

Владимир Блецко

Элиминация

фантастическая
повесть

16+

Владимир Блецко

Элиминация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43268228

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03430-3

Аннотация

Фантастическое произведение о том, как природа может создать вариант страшного суда над человечеством в уже сформированной цивилизации. Кто останется жить, а кто погибнет?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Эмбрион	9
I	9
II	11
III	13
IV	16
V	21
VI	26
Часть вторая	29
Теория	29
I	29
II	33
III	40
IV	46
V	51
VI	56
VII	60
Часть третья	66
Книга	66
I	66
II	70
III	78

IV	83
V	91
VI	104
Эпилог	110

Пролог

«Привет,
И нет уносящих вперёд ветрами
Достойных тебя запутанных слов
Моими губами, смолчу.
Возьми
Израненный камень,
Он грудь мою тянет, он грудь мою жжёт,
Прорастая цветами любви»
Влад Тень

Вечер застал господина Каригубого в гостях. Гостем-то, в сущности, и был господин Каригубов, но он этого не подозревал – ему сказали, что «в гости идём», он и пошёл. «Сказали» или даже правильной будет «сказала» ему супруга, которую он немного побаивался, потому, как не помнил где и когда, да и зачем в принципе её приобрёл, «Наверняка за бесценок»– приходило подчас на ум несравненному Ивану Осиповичу, как по батюшке величали, правда, не все, Каригубова. Так вот сидел в гостях Иван Осипович и слушал...

– Вы не представляете, – говорила Инна Арнольдовна, милейшая дама лет эдак пятидесяти пяти, но умело скрывающая свой возраст под личиной сорока девяти летней, что,

впрочем, никого не волновало и даже не воодушевляло на большее, а ведь Инна Арнольдовна была не замужем! И ей явно не по нутру приходилось невнимание мужской половины, поэтому она чаще всего и говорила, вероятно, надеясь очаровать эту мужскую половину своим умом, впрочем, весьма незаурядным. – Да! Вы не представляете до чего может дойти человек в своей похоти! Вот возьмите меня, – она слегка замялась, по-видимому, представив на мгновение, что её уже кто-то взял, но тут же с возмущением отсутствия данного факта, продолжала надеющаяся дама. – Я, пока ещё была девушкой, никому не позволяла сказать себе о любви! Это так вульгарно – слышать из уст нахально разнузданных молодых людей признания, о которых они не имеют ни малейшего представления! И, ведь представьте, практически все встречаемые мной в то время молодые люди были именно такими. А сейчас – святое дело, – все стали такими обходительными со мной. Вот, к примеру, Василий...

– Это какой? – пробасила соседка, которая по годам могла бы, и даже сгодилась бы, стать матерью самой Инне Арнольдовне, если бы у той оной не было.

– Ах, Вы будто не знаете! – возмущённо вскинула бровками рассказчица. – Не племянник ли он Вам?

– Васька, что ль? Тот – племянник, да. Грубиян ещё тот, – басок ровно и разрушающе проплыл в воздухе, но ударившись о броню Инны Арнольдовны, сдулся.

– Как Вы можете, Татьяна Михайловна! И не стыдно Вам?

Человек, можно сказать только паузу в культурном обществе держать научился, а Вы! – возмущалась защитница неведомого и большей части гостей незнакомого племянника. – Я, и только я видела его хорошие стороны! Он мне и «голубушка» и «тётушка» и чёрт знает что наговаривает! Мне в жизни никто столько нежных слов не сказал!

– И не мудрено: «крокодил после операционного вмешательства», – вплыл в ухо Ивана Осиповича мягкий голос супруги, заставив того нетерпеливо дёрнуться. Смолчав в ответ на это, пусть даже уместное, замечание жены, Иван Осипович впился глазами в Инну Арнольдовну, пытаясь припомнить её фамилию, что смутно торчала где-то между племянником Забойниковым и самой Татьяной Михайловной Лопуховой. «Вспомнил!» – вздрогнул Каригубов. – «Как у них всех фамилии то схожи!» – удивился он про себя. – «Это ж надо жить под такими одинаковыми фамилиями – Забойников, Лопухова и Трубочкина – премилая компания! Вот чёрт, я же нить разговора теряю!» – и, прекратив мыслить, Иван Осипович опять прислушался.

– Ещё когда я была девственницей, – заливалась Инна Арнольдовна, пять бокалов вина явно действовали на неё вдохновляюще. – Я знала, он придёт, он заберёт меня в рай неведомый и прекрасный, где я буду вечно царствовать, сидя...

– На его шее, – опять шепнула жена Каригубова на ухо супругу, сбив настройку на разговор. Он не мог не улыбнуться на замечание жены, но всё же строго зашуршал в ответ.

– Милая, тебе не стыдно?

– Это тебе должно быть стыдно слушать весь этот бред, улыбнулась супруга и, хитро прищурившись, показала один из немногих интимных жестов, которые часто, так некстати, используют семейные пары, намекая на более интересное времяпрепровождение. Иван Осипович незаметно, но с достоинством, показал жене язык и вновь обернулся к престарелым дамам, но к своему сожалению убедился, что Инна Арнольдовна, запрокинув подбородок, похрапывает, сидя на стуле, прямо за праздничным столом.

Часть первая

Эмбрион

I

Когда я был мальчиком, Сологуб мне сказал:

– Ваня, ты слишком много времени проводишь за книгами. Поверь, чтение добра не принесёт! И когда-нибудь ты выраешь большую, глубокую яму, сбросишь туда всю свою литературу, уляжешься сверху и попросишь меня, своего единственного друга: «Давай, Сологубушка!», и я возьму лопату и начну кидать на тебя сверху землю сырую и калёные камни, и похороню тебя вместе с твоими книгами заживо! – при этих словах, Сологуб, мой дядя, смахивал с глаз несуществующую слезу и дико хохотал мне в лицо, так, что становилось жутко. Я плакал, бил его руками и ногами, а он заливался пуще прежнего, норовя приблизить свой раззявленный смеющийся рот поближе к моей перекошенной злобой и страхом физиономии. Это продолжалось, как мне казалось, веками, пока меня истеричного, в полуобморочном состоянии не отрывали от дяди, кололи что-то в руку и укладывали в постель. Причём, Сологуб заглядывал в проём для меж-

комнатной двери, и, пока никто не видел его подглядываний, строил мне ужасные рожи, грозил глазами, пальцами, казалось, даже нос его угрожающе вытягивался по направлению ко мне, смешно фыркая. К этому времени я уже смеялся, не обращая внимания на боль в груди и горле, приходящую пост эффектом после обильных слёз.

Меня всегда удивляло, почему Сологуб живёт с нами, но не ест за нашим столом. Мне не нравилась его способность проходить сквозь стены, окна, и вообще он был какой-то несерьёзный и расплывчатый, разговаривал только со мной, а мама уверяла, что ни у неё, ни у папы нет брата с таким диким именем, но я-то знал, что они меня обманывали. Я к тому времени был уже достаточно взрослый...

По утрам к Сологубу присоединялась красивая фиолетовая кошка. Мяукать она не умела, но прыгать и фыркать любила, когда ей что-то не нравилось. Ещё она умела исчезать. Мне нравилось гладить её, я занимался этим часами, даже, когда родители входили ко мне в комнату и что-то говорили, я их не слышал. Я раскачивался из стороны в сторону, мычал, размеренно гладил свою или, лучше сказать, Сологубовскую, кошку и медитировал, призывая в свидетели всех святых, которых я мог запросто назвать по памяти. Они, святые, приходили, смотрели на мои успехи, дивились и радовались. Так что могу с уверенностью утверждать – я никогда не скучал. Скука наступала редко. Обычно на шею. Она при-

давливала мою шею ногой к полу и, презрительно изогнув губы, шипела, спрашивая: «Как дела?» Я, задыхаясь, вырывался и сквозь бьющую изо рта пену хрипел в ответ: «Нормально! Пусти, скука!» То, что это скука, я знал точно, она сама мне сказала, когда пришла в первый раз. Слава Богу, она не так назойлива и приходит крайне редко, но даже редкие посещения приносят мне неприятности – мои родители думают, что я умею материться. Я однажды слышал, как мама сказала папе:

– Первый раз вижу, чтобы Дауны матерились!

Дауном ласково называют меня все.

II

Смех смехом, но отдали меня в довольно странную школу. Сологуб присутствовал на уроках, мешал, как обычно, мне сосредоточиться и раздражал меня своим неуместным присутствием, как и сотни других дядь и тётъ, присутствующих со своими племянниками, моими одноклассниками, тут же. Мне это однозначно не понравилось, что я и выразил новым для себя способом – закричал. Я держал «ля» первой октавы с небольшими интервалами для набора воздуха и надеялся на поддержку сверстников по классу, но они оказались натуральными отморозками, даже не обратив внимания на мой звучный протест. Когда прошло пару часов, и никто не со-

изволил присоединиться, я замолчал, обидевшись.

Закрыв глаза, Сологуб сунул мне в руки мою кошку, и медитация помогла мне отключиться от всего происходящего вокруг – я заснул. Полностью.

* * * * *

Проснувшись, я обнаружил себя в довольно странном положении, лучше выразиться – состоянии: тело грузным коконом давило на маленькое «я», заключённое внутри, и, хотя я сидел, скрючившись в необычном кресле, мне было довольно неудобно. Руки не слушались, как если бы на каждую по самое плечо надели нарукавнички, пусть из самого лёгкого, но металла, внутри ворочались, как тонюсенькие змейки мои собственные силы, то же самое касалось ног, головы и прочей моей телесной амуниции. Страх перерос в ужас, когда между ног я почувствовал вместо привычных нескольких граммов вес немного солидней. «Пухну!» – подумал я и вскочил, вернее, хотел вскочить, да видимо не подрассчитал силёнок – подпрыгнул и рухнул. Лежу, а возле глаз рука моя, волосатая только. Странно, очень странно, ведь я ещё маленький – семь лет всего. И я заорал:

– Сологу-уб! – и тут же закрыл рот, были бы конечности в силе, ещё и ладонью бы рот прикрыл – что за дела, если маленький мальчик вопит сочным баритоном с хрипотцой. «Умер!» – мелькнуло в мозгу. Вбежал в комнату какой-то дядька в бело-голубом халате и я, с удивлением от самого себя, обратился к нему:

–Что же Вы, Валерий Евпатыевич, за больными так худо ухаживаете? Обидно, прямо! – тут же закусил зубами язык, чтобы ещё чего не соврать. И скис. Врач зеленеющими губами произнёс:

– Как же, как же... Помню ещё в сорок пятом., – больше ничего не сказал. Просто поднял взор к потолку белоснежному и вышел. Да, трудновато мне будет, ребёнку! Уж эти взрослые.

Умывальник стоял в двух шагах от кресла-кровати. Я, с трудом встав, глаза с невообразимой высоты, дополз до этого чуда современной техники и, не смотрясь в зеркало, висящее над ним, начал умываться. Прикосновение к лицу стало последней каплей, и я, не перекрестившись, посмотрел на своё отражение. Лучше бы я перекрестился, но не стал смотреть. На меня смотрело ёжиком колючее лицо 30-35 летнего мужчины. Тогда я сел под раковину и заревел. Потом, одумавшись, прекратил бессмысленный рёв и принялся тихо плакать.

III

Родители слегка нервничали. Мать истерично смеялась, размазывая слёзы по ещё недавно таким красивым щекам, а бледнеющий папаша пытался урезонить малыша, который вопил и недвусмысленно требовал титьку.

– Сынок, в двенадцать лет дети не сосут! – приговаривал

он, привязывая руки ребёнка к ногам, аккуратно и нежно, чтобы не давило на шею. Папе было плохо, он давно уже ничего не ел – в одиночестве питаться не интересно, да и из солидарности приходилось терпеть – жене было не до того.

– Говорю тебе, давай отдадим его в психушку, – объяснял он супруге. – Подлечат, и вернётся к нам тот спокойный, умный Даун, который не корчит из себя новорожденного! – папа слегка психованно тряс ладонями перед шмыгающим носом жены, умоляюще складывал их, ладони, и так, и сяк, и даже бывало, что влажный нос залитой слезами женщины оказывался между этими ладонями, но, не имея возможности в такие моменты вздохнуть, та вырывала голову, отрицательно мычала и тряслась, тряслась...

Отец затихал, вешал, в свою очередь уже, нос, и тоже, пошмыгивая, уползал куда-нибудь – благо был продвинутый мужчина в смысле отдыха от дремучих проблем – возвращался с более спокойными нервами, веселыми глазами, напевая разнообразные оптимистические мотивчики, вроде: «В одном из недобитых фильмов Федерико Феллини...», пытаясь приспособить их, мотивчики, к своему настроению, что у него, впрочем, неплохо получалось.

В это время маленький Иван дёргался, пытаясь распутаться, и наполнял дом различными приглушёнными звуками.

* * * * *

Прошло шесть лет. Подросший и окрепший юноша лежал в кровати и агукал. Мама смирилась и, лёжа рядом, корми-

ла его из бутылочки молочной смесью. Вполне вероятно, ей даже нравилось такое положение – рожать других она наотрез отказалась и проводила всё своё время рядом с 70-ти килограммовым Ванечкой, отпаивая его смесью из бутылочки и, ради разнообразия, дополнительно подкармливая из маленькой ложечки разными молочными кашками витаминизированными, минерализованными, напитанными разными полезными добавками. Всю остальную пищу «малыш» старательно отрыгивал, причём делал это мастерски, «по взрослому» тужась и пыжась. Когда не помогало, он начинал сосать пальцы, и, если бы кто-нибудь внимательно понаблюдал за его действиями, то заметил бы, как Ванюша щекочет пальцами, средним и указательным, во рту своё горло, пока спазмы не вывернут всё содержимое юного, не приспособленного к такой пище желудка. Так что от твёрдой и мягкой сытной пищи пришлось отказаться из боязни, что в один из прекрасных дней ребёнок задохнётся, переусердствовав с хитрыми манипуляциями.

Папаша, увидев такой оборот дела, заявил:

– Ну что же, я не против нововведений! – и, недолго думая, стал принимать пищу непосредственно внутривенно. Приобрёл стоечку, системки, и по утрам перед работой, по вечерам – после, полёживал под бутылочкой, не утруждая себя жеванием, глотанием и перевариванием, иногда только, видимо тоже для разнообразия, жевал бутерброды с люби-

мыми продуктами, чтобы не останавливать работу желудка, кишечника и прочей внутриутробной органики.

Жена одобрительно посматривала на мужа, неоднократно повторяя:

– Вот и зубки у нас теперь всегда в порядке будут. Хорошо! – Её не удивляло, что муж, прежде чем принять дозу питательной жидкости, что-то там ещё кипятит в ложечке и шприцем загоняет приготовленное под крышечку бутылки, растворяя это что-то в своих завтраках, обедах и ужинах, приговаривая: «А вот так будет совсем здорово! Вот так будет замечательно! На-и-за-ме-ча-тель-ней-ше!»

IV

В один чудесный вечер, кстати сказать, вечер действительно был чудесный – канун рождественской ночи – Ванюшу никак не могли успокоить, он и так умолкал с большим трудом, а тут его красногубая сирена не затихала ни на секунду. Лицо большого младенца сначала покраснело, потом побурело, и к часам одиннадцати вечера приобрело синюшный оттенок, но орал он всё также смачно, будто бы упиваясь своими возможностями. Ужас заключался в том, что голос уже приобретал грубые мужские интонации, а постоянные вечерние, утренние и все остальные прочие, без определенного времени суток, концерты подняли развитие лёгких, не испорченных курением и тому подобной гадостью, до нево-

образимых высот. Словом, родители под рождество имели возможность упиться во всех красках и прелестях рёвом быка в предсмертной агонии, если бы кто решился убивать быка не привычным способом – одним в лоб, другим по горлу, – а каким-нибудь экстравагантным, вычурным, вроде не изжившей ещё себя испанской корриды.

Мать, в наушниках с умиротворяющей музыкой, которую она использовала ранее при любой возможности помедитировать и раскрыть свои чакры, лежала рядом с Ваней на 2-х местном ложе (супруг уже давно спал на диване, правда иногда почему-то засыпал или просыпался в детской комнате, на деревянной кроватке, которой до 7 лет пользовался сам Ваня, и которому потом рост уже не позволил ей пользоваться). Так вот, мать лежала рядом со своим чадом и время от времени морщилась – красивая расслабляющая музыка не заглушала рёв дитятка, а лишь обволакивала, смешивалась с рёвом, но медитация, тем не менее, давала свои плоды. В глазах у матери стояла прекрасная картина под трагическим названием: «Умиравший сильный бык в крови на поляне в лесу». Через какое-то время бык издал последние агонизирующие ноты и сдох. Но, по-видимому, не совсем. Немного полежав мёртвым, он поднял голову, удивлённо осмотрелся вокруг, встал, встряхнул головой и медленно побрёл в чащу леса. Сквозь удивление мама прислушалась – рёва действительно не было, а это значило лишь одно – сын угомонился и уснул. То, что бык ушёл в лес, значило нечто другое – то,

что спала она сама.

Мать оказалась права лишь наполовину – спала она, а Ваня молчал, но его состояние с трудом можно было обозначить словом «сон», он находился в особом состоянии возвращения, в своём обычном, если учесть последние годы, состоянии.

* * * * *

Осип сквозь дрему слушал. После принятия «пищи» он вообще любил прислушиваться. Главе семейства шевелиться не хотелось, говорить тем более, а уж глаза открывать расценивалось совсем, как нечеловеческое усилие, даже насилие над своим организмом, поэтому Осипу и оставалось только слушать. Ещё Осип любил думать.

«Какая восхитительная конечность тела – ухо!» – думалось ему в такие моменты. – «Лежал бы себе и слушал! Интересно, почему говорят «слушал», а не «слухал»? Видимо ошиблись глупые филологи. Надо будет написать куда-нибудь. Надо будет написать куда-нибудь. Надо будет написать... А! Да, надо будет написать! Надо же так ладно думать!.. Я – филолог... Кричи, Ваня, кричи. Я – философ! Интересно, конечность ли ухо? Нет, все должны помнить, что ухо – орган, орган слуха, поэтому и нужно не слушать, а слухать! Заснул что ли?.. Молодец, Ваня, спи, малыш», – и отец, несмотря на грубость содеянного и нежелание совершать какие либо действия, потянулся с хрустом и удовольствием, свернулся калачиком и задремал, лёжа на тяжёлом и

мягком диване. Мысли перестали обретать какую-либо форму и вязались, вязались на спицах мироздания одна за одной без всякого смысла, что, вероятно, очень полезно отражалось на работе мозга со столь философским складом мышления.

* * * * *

Совсем внезапно, после получасовой тишины, в квартире Каригубовых раздался женский вопль. Осип вскочил, туго соображая, что кроме его жены кричать некому, и галопом поскакал в спальню. Сделал бессмысленный кружок по кухне, спринтерски преодолел коридор и, наконец, прибыв, куда следовало, он увидел странную картину: жена ногами отбивалась от ног сына, который змеёй, и, если отталкиваться от этого пресмыкающегося представителя фауны планеты, хвостом вперёд полз к ней, в данном случае роль хвоста играли Ванюшины конечности-ноги. Интереснее всего, что в процессе этого действия Ванюша сохранял гробовое молчание.

– Что случилось? – заорал Осип, потеряв внезапно способность двигаться и чтобы хоть как-то нарушить гротескную тишину странной картины представшей перед ним.

– Фаза рождения, – провыла жена. – Ты же помнишь, он вернулся в детство? Теперь он хочет вернуться в меня!

«Возвращение-3» – новый, остросюжетный фильм ужасов, события которого стремительно развиваются в квартире Каригубовых, в немыслимой последовательности! Такого вы ещё не видели! Спешите! Осталось всего несколько минут

до финала!» – промелькнул в мозгу Осипа рекламный ролик, произнесённый чьим-то странным издевательским голосом. Он вернул отцу столь необычного ребёнка возможность действовать. Члены Осипа напряглись, мускулы вздулись, и герой-отец метнулся неуловимым движением к телефонному аппарату и ожесточенно набрал номер! Через пару секунд его решительный писклявый голос давал указания кому-то на другом конце линии. Потом Осип с видом победителя бросил трубку в никуда и с презрительным выражением на лице вернулся в комнату, где за его отсутствие ничего не изменилось, правда, жена уже была почти в дверях, всё ещё отползая от Ванечки, не догадавшись в шоковом состоянии принять вертикальное положение – можно было бы просто спокойно отходить, ведь сын нечеловеческими усилиями и, еще более нечеловеческими движениями, продолжал попытку достичь своей цели.

«Окати сына водой!» – кто-то твёрдо приказал Осипу, произнеся фразу глубоко в голове всё тем же язвительным голосом. «Показалось!» – подумал Осип, но непроизвольно повернулся и бросился в ванную комнату, моментально набрал ведро тёплой воды – не думал отец о сыне, просто с двух кранов быстрее получилось набрать. Он выскочил в коридор, увидел уже под ногами свою жену, по инерции выплеснул куда-то за неё содержимое ведёрка и, выплеснув, замер, как будто истощил все свои возможности на подвиги последних секунд. Замер и сын, лишь коснулась живительная влага его

тела. Только жена по инерции всё ползла и ползла куда-то..., но вскоре замерла и она. Тихо стало в квартире Каригубовых.

V

Тишина продолжалась пять-семь минут. Синей птицей пролетел звонок по квартире, выведя из оцепенения взрослую половину населения, точнее, половину взрослого населения Каригубовых, потому что женщина только вздрогнула и продолжила пребывать в бессознательном состоянии, детская же часть осталась лежать неподвижно-скрючено-сопящей в лужице остывающей воды.

Осип рванулся к дверям, ему вообще в этот прекрасный праздничный рождественский вечер приходилось всё делать порывисто и быстро, в отличие от его обычного состояния, и в этом новом амплуа он чувствовал себя кометой в открытом космосе. Даже, если кто спросил бы его супругу, не видела ли она хвоста, развевающегося позади мужа, вероятно, она и припомнила бы нечто похожее, даже если бы была в сознании, но, увы, никто из посетителей не догадался задать бедной женщине этот невинный вопрос, посетители пришли действовать, действовать и действовать!

Итак, Каригубов-старший открыл дверь и увидел на пороге дюжего медицинского сотрудника, почему-то с чёрной милицейской дубинкой в руках. Из-за плеча этого молодца вы-

глядывало около полудюжины сотрудников помельче. «Пятеро», – пересчитав, отметил для себя Осип. Дюжий сотрудник просипел:

– Псих?

– Там, – в тон ему ответил папаша и указал рукой по направлению коридора в спальню. Сотрудники мелкими частыми шажочками проскакали мимо хозяина и остановились возле супруги Каригубова, лежащей к ним поближе, вопросительно обернулись на Осипа.

– Дальше, – кивнул тот. Группа пропрыгала в том же темпе до Ванюши, свернувшегося в позе эмбриона, и остановилась, вновь косясь на хозяина квартиры. Получив подтверждение, верзила приподнял голову Вани и коротким ударом чёрной дубинки по темени огрел юношу, сопровождая действие словами:

– На всякий случай! – сотрудники накинули на ребёнка смирительную рубашку, бережно положили его на носилки и выбежали за дверь. Верзила, проходя мимо госпожи Каригубовой, спросил:

– С этой всё в порядке или тоже успокоительное прописать?

– Всё хорошо, правда, – пробормотал Осип.

– Уверен? – поинтересовался ещё раз, видимо для пущей уверенности, заботливый врач.

– Уверяю Вас, причин для беспокойства нет никаких, так что спасибо за всё и... До свидания! – вдруг твёрдо и уве-

рительно скороговоркой пропел Осип, беря «гостя» за локоть и выпроваживая за дверь. – Я зайду на днях, может даже завтра, если нужно будет, где расписаться, описать течение болезни, документально подтвердить, поговорить с лечащим врачом и тому подобное. Видите, жене плохо? Я зайду, зайду.

Остановившись в дверях, «врач» подозрительно нахмурился вдруг, обернулся, осматривая Осипа.

– Что? – выдавил из себя хозяин.

– Да вот смотрю, бледный Вы какой-то и размышляю...

– Нет, нет! Успокойтесь, не размышляйте, всё нормально.

Я слишком возбуждён от всего произошедшего?

– Интересно, очень интересно. Возбуждены, говорите? Вы довольно забавная особь.., – окончания Осип не услышал, шагнув назад и резко захлопнув дверь перед носом столь ответственного сотрудника. Немного успокоившись и придерживаясь одной рукой за стену, другой держа на почти остановившемся почему-то сердце, Осип, было, двинулся по направлению к лежащей супруге, как в дверь кто-то осторожно постучал.

– Нет! – заорал хозяин. – Сейчас, сейчас! Сейчас я тебе открою! Подожди, – он рванул на кухню, схватил подвернувшийся под руку топор и кинулся открывать. – Частное владение! – проорал Осип, срывая замок, распахнул дверь и всадил топор в косяк, всего на миллиметр промазав мимо черепной коробки старушки-соседки смотрящей на него с яв-

ным недоумением.

– Я тут соли хотела попросить, Осипушка, – прокряхтела она.

– Нет соли, нет! И сахара нет! И хлеба, и... чего там ещё тебе надо, ведьма старая? А? Ничего нет! Ни-че-го! – визгливо закончил хозяин, вырывая заклинивший топор из дверного косяка.

– Так мне что, у кого другого идти просить? – удивилась соседка и добавила скромненько, участливо, – Ругаетесь, да? Дверь захлопнулась.

– Нету, видно и впрямь, соли, – старушка перекрестилась и пошла обратно к себе домой, еле слышно шаркая тапочками.

Осип, наконец, добравшись до своей жены, наклонился над ней и убедился, что его супруга всё ещё без сознания. «Хорошо!» – подумал он. «Спокойно!» – ещё раз подумал он. Принёс воды, окропил лицо жены, позвал:

– Валя! Валя, очнись. Валя! – супруга зашевелилась, открыла глаза, огляделась, схватив мужа за руку.

– Где Иван? – спросила.

– Увезли Ивана, – Осип отвернул от неё своё лицо, тут же намокшее от слёз.

– Неправда! Я его чувствую! Вот здесь! – жена погладила рукой, вдруг ставший быстро набухать, живот

– Здесь? Честно? – Осип утёр глаза, радостно смотря на что-то надувающееся под платьем жены, умилённо бор-

мотал. – Радость-то, какая! Радость-то! Какая... Какая радость? – вдруг взвизгнул он. – Ну-ка спусти это немедленно! Ты что, с дуба рухнула? Я ж врачам отдал!

– Кого? – испугалась жена.

– Кого, кого! Ваню! Кого же ещё?

– Да здесь он! Вот потрогай, – она схватила руку Осипа и попыталась положить себе на живот. Муж вырвался.

– Нет, не бывать этому! Его забрали врачи, понимаешь? – резко, но нежно принялся втолковывать жене Осип. – Валя, ну не путай ты меня! Я же всё видел собственными глазами!

– Ничего ты не видел, ясно? – спутница жизни, решительно схватив мужа за руку, приложила его ладонь к своему животу. – Слушай! Слышишь?

– Слышу, – поник Осип. – Это Ваня, – обречённо пояснил он сам себе и тут же, закатив глаза, грохнулся на пол рядом с женой. Через пару минут с опрысканным водой лицом, он всё же пришёл в себя, и первым делом спросил. – Ты врачей видела?

– Нет.

– А я видел! Белые такие, как ангелы. Особенно один: высокий, сильный, с пылающим мечом. Добрый, у-ух! Обо всех хотел позаботиться. – Осип завздыхал, лёжа головой на руках у жены. Устроился поудобнее и ехидненько поинтересовался. – И как же мне объяснить это всё?

– Сон, милый. Просто, сон.

Осип удовлетворённо зевнул.

– Сон, значит? А я-то думал... – жена гладила его по волосам, стало хорошо, спокойно. – А дуб? Дуб-то был? – вдруг занервничал снова Осип.

– А как же! Конечно, был. Высо-окий. Я ещё с него рухнула, забыл что ли? Ты спи, хороший мой, спи, родной. – Осип, более уже ни в чём не сомневаясь, уснул.

VI

На следующий день Осип, наблюдая томно-ленивые движения своей беременной жены, радовался, сам не зная чему. Как всякий молодой отец, он скакал вокруг своей супруги, как козлик по весне восторженно, услужливо, и заботливо старался разделить бремя тяжести, работая по дому за двоих, а то и втихаря пытаясь самостоятельно, конечно не показывая своей второй половине, что он что-то там старается и справляется сам. Не хотелось ему так же давать ей задуматься о своём положении, почувствовать себя «не у дел домашних», поэтому тактичность оставалась в голове мужа первым правилом.

Так вот, когда Осип носился в фартучке от плиты к утюгу, конечно, не попадаясь при этом на глаза жене, ещё «не дай Бог, что подумает!», раздался звонок в дверь.

– Гости! – обрадовался Каригубов и бросился отворять дверь.

На пороге стояли малознакомые люди – не совсем знакомые, но кого-то смутно напоминающие хозяину квартиры...

– А! Ангелы! – завопил радостно Осип. – Из сна! Милости просим, заходите! Будьте, как дома! – радушнее хозяйна медицина не встречала за всё время своего существования вообще, но на этот раз мед-персонал не воспользовался гостеприимством хозяина, а жалобно во все пять глоток запричитал:

– Это не мы, мы не виноваты! Вы же видели, что это всё товарищ Лапочкин учудил. Мы совершенно тут не причём, у нас дети! Ваш в коме, но наши то бегают! Что с нами будет? – хором закончили пять белоснежных и красноносых от волнения и уличного мороза ангелов.

– Какой товарищ Лапочкин? О чём это Вы? – удивился Осип. – Какая кома? И что же это Вы без старшего своего прилетели? – вспомнив, что во сне чуть не набросился на «старшего» с топором, Каригубов с отчаянием во взоре обратился к медикам. – Обиделся, да? Расстроился, да? Валя! – вспомнив про жену, вскричал Осип. – Валя! Иди сюда быстрее, ангелы из сна прилетели! Иди, поздоровайся, а то они влетать к нам в квартиру отказываются. Сама убедишься – есть они! Тут они! Хорошие! – он нежно улыбался опешившим гостям.

– Сколько их? – слышался из спальни комнаты голос жены.

– Если у меня от радости в глазах не троится, то ровно

пять ангелочков! – ответил Осип, пересчитав стоящих в дверях для приличия и точности, добавил, вздохнув. – Сподобил Господь!

Конец первой части.

Часть вторая

Теория

I

Я проснулся заново.

Взгляд тот же, но привычные очертания носа выглядят иначе. Хотя я всегда знал, что косить глазами нехорошо, первым делом принялся косить к центру – любопытно. Откуда я вообще опять взялся? Ощущения не очень отчего-то. Руки не поднимаются, ноги прилипли к поверхности мягкой, сами мягкие. Раздражение от всего: от деревянной спины, за-костеневших щёк и ровной пульсации по площади, которую я отчего-то не особо воспринимаю – большевата. О! Мир уменьшился! точно! На лице мочалка. Что они вообще со мной делали? А мир жалко – большой мне нравился. А вдруг я в него не помещусь? Хотя помещаюсь, вроде. Надо как-то подняться. Не по себе... Наверно ещё не до конца проснулся. Интересно, почему моя комната не со мной? Это не моя комната. Это комната не была моей. Моя ли эта комната сейчас? Почему комната, которая не моя, находится вокруг меня, включая меня в свою площадь? Сколько вопросов при

пробуждении... Я обычно проще ко всему отношусь. Но не сейчас. Как относиться ко всему опять проще? Почему я не прост? Я всегда был прост. Я был простейшим? Откуда я знаю про простейших? О, чёрт возьми, мне поменяли мозг! Это всё объясняет. А может и меня поменяли? Нет, вроде тот же самый, только уже не простейший. Скорее, более похож на настоящего млекопитающего! М-да...

Как тихо-то вокруг. Совсем прям тихо. Прям вокруг! Нет, по периметру комнаты не моей. Только стрелка часов плавно жужжит. Шесть... Я умею определять время? Шесть утра или вечера? Наверно, не умею. Откуда-то цифры, правда, знаю. Наверно приснились. Обучение во сне – штука мало изученная. Гипнопедия, если не ошибаюсь. Зачем было учить меня во сне определять время, ума не приложу. Видимо, кто-то ставил на мне эксперименты. Безумные медики. Крыс им мало!

За стенами какая-то возня происходит, кто-то живёт... Странная штука – жизнь! Ты не отвечаешь ни за какие функции, ни за какие действия от самого рождения. Ты можешь планировать, но мгновенно меняешь планы в зависимости от ситуации. Ты безумная составляющая безумия всеокружающего хаоса, пытающегося упорядочить свою бесконечную природу в маленькие отрезки контролируемого существования... А-аа! Это не мой мозг. Это не мой мозг. Это умный мозг. Это странный мозг! Заберите этот мозг, Вы перепута-

ли мой мозг с каким-то чужим мозгом, когда я посыпался! Стоп! Мне поменяли голову! точно! Я не вижу радугу, когда желаю! Желаю видеть радугу! Сологуб! А, его нет, это была проекция больного воображения, нянька чёрного мессии рода человеческого. То есть... Меня? А моя кошка? Спать. Срочно! Точно. Сплю.

* * * * *

Чёрт! ничего не изменилось. Видимо сплю до сих пор. Время – шесть ноль пять. Либо я в продолжении сна над собой издеваюсь, либо выспался и это не сон. А мочалка на лице? Чешется же подбородок и щеки деревянные чешутся. Забыл – мне же голову поменяли! Шея не болит, впрочем. Должна болеть, раз голову поменяли – место среза хотя бы. О, это же невозможно! Или возможно? Тайные разработки? Эксперименты под грифом "секретно"? Что о них известно? Опять вопросы... А может я стал умнее себя? Взял и стал! Чем я хуже себя? Не могу я, что ли, стать умным? Может, у меня позднее развитие или резкий скачок когнитивного развития, и случайным образом мгновенно сформировано представление о реальности в её практическом воплощении вокруг. Думаю, моё понимание реальности было не вполне осознанным вне плоскости точных понятий и определений фактического положения вещей, с наложением выдуманного мира, для более простого и удобного, ребенку с нарушенными функциями восприятия, существования в нём. До сегодняшнего дня. Сейчас я мыслю точно, чётко, логически.

Строю умозаключения, с упором на факты, о которых понятия не имел, но знаю, что выводы правильны. Даже доволен собой в какой-то мере. К дьяволу сон, надо проверить свои способности в полном объеме! Для начала решить вопрос с ощущением мелкого мира. Ну и пошевелиться для начала. Вырос! Закоулки преисподней – я вырос! Я взрослый самец мужского пола, половозрелый гомо сапиенс. Да, мочалка, это – борода. Вот тебе и восемьдесят четвертый круг ада – лёг спать ребенком, проснулся 32-х летним мужчиной. Если быть точнее, мой возраст 32 года 7 месяцев, 14 дней и 8 часов. Вот это здорово – мои внутренние часы знают скорость старения моего организма до минуты! Или не здорово? А так вообще бывает? Нет, до сегодняшнего дня данного факта наукой не было зафиксировано. Я – уникал! Сам себя не назовешь красиво – никто не назовёт. Хех. Куда же я столько своих лет дел? Кома... Грустно. Вышедший из комы девственник 32-х лет. Хотя... Ни ошибок молодости, ни гиперсексуальности и беспорядочных связей, помутнения рассудка влюбленности, ни брака на фоне бесполезной привитой обществом ответственности мне не помешают быть полноценным человеком сейчас. Это плюс. Я – идеальный экземпляр с превосходным здоровьем и не обременённый политической ложных ценностей. Остаться бы таким навсегда! Параллельно со мной мыслит второе я. Надо отменить одного из нас. Отключусь и очнусь заново. Пуск.

II

В комнату вошёл врач, но не один, а в сопровождении ещё одного серьёзного доктора в годах и любопытной девушки. Я был спокоен. Сидя под раковиной, можно понять многое. Понимание пришло неоткуда. Понимание, что я велик и мудр. Слезы выпустили из глаз, вместе со всеми лишними эмоциями, того, кем я был раньше. Всё видимое мной само обретало смысл, имя и значение. Это было похоже на точку доступа к любой информации, на которую я обращал своё внимание. Я понял, что пожилой врач, Мирон Матвеевич Хромов – лидер делегации, считающий себя мозгом, а сопровождающих он разделял на две дополнительные, но разные субстанции. Моего «знакомого» Валерия Евпатьевича – подручным средством и, если будет нужда, щитом для самозащиты, девушку – приятным дополнением, к слову сказать, мысли главного делегата лезли этой девушке глубоко под прилегающую к её телу одежду. Игривый Миронов мозг... Я решил начать беседу, без выслушивания глупых вопросов о моём самочувствии:

– Мирон Матвеевич, почему Вы не трахаете Марию Семёновну, а только про себя откровенно думаете об этом сейчас, поглядывая на её колени? Шалун Вы, Мирон Матвеевич! Вас ведь отвлекает данное не совершённое действие, и Вы не можете спокойно сосредоточиться на моей ситуации

в связи с этой маленькой, но очень Вас занимающей проблемой!

Пожилой врач замер. Девушка с недоумением уставилась на меня. Видимо ждала моей реакции на её пристальный взгляд. Я отреагировал, вот трудность то:

– Мария Семёновна! Я не брежу, это факт. Как и Ваши мелькнувшие мысли, что Вы впопыхах с утра надели вчерашние трусики, которые возможно, немного испачканы, меня совершенно не волнуют. Хотя эти новые факты, озвученные мной, сейчас уже взволновали Мирона Матвеевича, – мне стало весело. Они почему-то молчали. Мне стало скучно. – То есть Вы все пришли поинтересоваться, почему я вышел из комы, а теперь интересоваться уже не желаете? Что же Вы за специалисты такие? Нет, успокоительное средство мне не поможет! – Я отреагировал на изменение в глазах посетителей. – Скорее это Вас успокоит моё молчащее тело на кушетке и можно будет весь мой монолог обозвать бредом психически не здорового человека. Но, уверяю Вас, это будет очень не профессионально для вас, и обидно для меня лично.

Врачи продолжали молчать. Может их смущала моя «подумывальническая» позиция? Меня не смущала. Какие мелочи... Ну пусть будет более официально. Я встал и стал внимательно рассматривать забавную троицу. Почему они мне

кажутся пустыми? Хотя нет, в девочке что-то есть, серьёзная мечта что ли? Почему бы не проверить это?

– Мария Семёновна! Докажите мне, что Вы не каменная статуя и помогите мне доказать, что я вполне здоров?

– Да, Иван Осипович. Я попробую.

– О, Вы прочитали мою историю болезни? Так мило!

– Здесь Вы всем интересны – поступили в психиатрическую клинику в коме. Никто не мог решить – переводить Вас в обычную или оставить здесь. Вы иногда выходили из комы, но не говорили, были пустым коконом. А сейчас поражаете видом полноценного человека!

– Да, задача ещё та, зачем туда-сюда катать больного... Но не будем отвлекаться. Я могу знать о Вас в какой-то мере всё и слышать наполненность Вашего сосуда разума, но не могу определить – нужны вы этому миру или нет. Это можете сделать только вы, открыть, так сказать, дверь Вашей жизни. – Я заметил, что Мирон Матвеевич насторожился и стал думать только обо мне. Валерий тоже внимательно смотрел на меня с особой готовностью уложить меня отдохнуть. Это неплохо – люди в обострении очень впечатлительны. – Итак, Мария Семёновна, скажите мне, что бы Вы выбрали для себя лично из всех возможных вариаций желаний связанных с направлением вашей жизни? Отнеситесь к этому очень серьёзно, я уверяю, вы не пожалеете в любом случае! Вы ведь заметили, что мы не знакомились официально, а я знаю Ваши имена,

и, предположительно, мысли...

– Конечно, знаете, – не выдержал и вступил в диалог Валерий Евпатьевич, перебив меня на полуслове. Видимо, Валерия расстроил факт, что я выбрал для эксперимента Марию, а не его, такого эффектного молодого человека. Он возмущенно продолжил, рисуясь. – Вы наверняка, очнулись дня три назад, продумали всё заранее, пораспрашивали техничек про врачей, и теперь желаете сделать вид, что вы нормальны, ещё и в чём-то там гениальны!

– Валерий Евпатьевич! Как Вам не стыдно?– я улыбался мозгу этого индивидуума. – Тогда можно сделать вывод, что эти же «технички», как грубо Вы их пожелали назвать, помогли мне узнать в деталях и про тринадцатилетнюю соседку Ирину, которая бежит к Вам от пьющих родителей, а Вы заботливо утешаете её, обещаете взять замуж, когда ей исполнится 18, но, конечно, только в том случае, что она никому до своих 18-ти не будет рассказывать о Вашей хрупкой и нежной с ней связи. Кстати сказать, очень нехорошо обманывать девочку. Ведь Вы не собираетесь на ней жениться. – я почувствовал поднимающуюся во мне ярость, но сделать ничего не мог. Мирон Матвеевич и Мария замерли, вместе со мной смотря на Валерия.

– Что за глупости! Что за непонятные предположения! Мирон Матвеевич, дорогой, давайте поставим бедному Ивану Осиповичу укол, кажется, ему стало хуже, чем было в коме. Он возомнил себя чтецом мыслей, а то и кем похуже! – с

пылающими ушами возмутился Валерий. – Какие-то нелепые наговоры на честного человека от больного только что вышедшего из комы! Кому они нужны?

– Видите, уважаемый Валерий Евпатьевич, вы уверились сейчас, что я только что вышел из комы, чем подтвердили мою историю. Я, как Вы знаете теперь, ничего не мог узнать от местных «техничек», спасибо, – я повернулся к девушке. – Ну, что, Мария Семеновна, Вы готовы мне ответить? Только искренне.

Девушка задумалась, поглядывая на поникшего Валеру и на озадаченного происходящей комедией Мирона Матвеевича. «Да, комедия ещё та планируется!» – мелькнуло у меня в голове. Потом я услышал чистый, искренний голосочек Марии, в нем не было сомнений, она поверила мне и на что-то надеялась:

– Я бы хотела найти возможность излечить одну из самых страшных болезней нашего времени!

– О, милая моя, это здорово. Вероятно, это в память о сестре?– она вспыхнула от моих слов. – Не расстраивайтесь, часто наши близкие спасают нас от бесполезности жизни, как вот сегодня, по истечении времени, погибшая когда-то сестра спасла Вас, случайно изменив в нужную сторону ход Ваших мыслей. Я немного разочарую Вас, сказав, что Вы не сможете найти возможность излечить эту самую болезнь, к сожалению, но Вы найдёте лекарство от другой, не менее

неприятной заразы, изучая это направление. И, что самое приятное, это лекарство сделает Вас известной и ни в чём не нуждающейся.

– Я Вам не верю.

– Думаю, верите. Вижу, – я делал сейчас всё правильно. Девушка широко раскрытыми глазами смотрела на меня, пытаюсь уловить фальшь.

– Ерунда всё это. Это какие-то надежды, дальние планы, предсказания. Зачем Вам это, Иван Осипович? – опять бесцеремонно влез в разговор Валерий. – Вы хотите сказать, что исполняете желания? Вот было бы прелестно! – он прищурился.

– Как вам объяснить, любезный мой друг, – я, кстати, ещё сам до конца не понимал к чему веду. – Можно предположить, что всё так. Я провожу опрос и, возможно, Ваше желание станет более очевидным и самореализуется благодаря мне, но так же, возможно, не совсем так, как Вы ожидаете. Более буквально – я стираю не нужное. Стираю грани предполагаемого. Какими могут быть грани – никому не ведомо. Но обычно это идёт на пользу – вы перестаёте отвлекаться на бесполезное и занимаетесь развитием только важного. Сказанное мной тоже точнее звучать не будет, – предвосхитил я его вопрос.

– Это ерунда.

– Думаете?

– Да. Исполните моё желание сейчас, Вам поверят все

здесь присутствующие. Я могу сказать, что мне нужно. Остальные это увидят. Итог? Вы перестаёте быть пациентом, становитесь здоровым свободным человеком. Перспектива прекрасная. Все довольны. Исполните? – Валерий явно забавлялся.

– Ну, попробуйте, – я уже предвидел результат, соглашайтесь. Часы на стене стали щёлкать точно и отчётливо, сливая счёт секунд со мной.

– Я хочу стать умным и затмить всех своими знаниями! – Валерий Евпатыевич верил в сказанное собой, он ухмыльнулся в последний раз и упал замертво. Его уже не было. Нельзя затмить остальных людей. Это неверное направление мысли, жизни, генофонду человека это не нужно. Я выключил Валеру. Стёр. Душу стёр. Личность. Он ошибался, думая, что я исполняю личные желания. Я избавляю от пустых людей общество, само оно с этим справиться не сможет. Говорил же ему, кто я. Жаль, что люди всегда пытаются играть с похожими на себя. Можно ведь и доиграться.

Мир настолько необычен и не познан, что нужно ожидать появления любого существа, особенно такого, как я. В профилактических целях. Природа знает, как ей лучше решать проблемы своих детей. Я представил, сколько ещё таких глупцов будет на моём пути, и какими эти глупцы будут. Почему человечество развивает в себе такое направление личностей? Не знаю. Не хочу знать. Право выбора будет

у всех, этого достаточно.

Мирон Матвеевич склонился над телом Валеры, посмотрел на меня с опаской, схватил онемевшую Марию за локоток и выскочил, молча, из моей палаты. Щёлкнул замок. Я думал о первом своём сознательном дне своей жизни. Слегка мутило. Мария испугалась – два неожиданных результата за пять минут. Мирон умён. Он не произнёс ни одного слова за всё время посещения пациента. Он изучал мой случай. Мой случай ему не по зубам. Хотя, мне тут не очень долго находиться. Выйду. Мария работает над своим проектом уже пятый год, она получит лекарство через 18 дней. Там несколько месяцев на условности... Моя рекламная девочка. Одна из миллионов.

Снова щёлкнул замок. Зашли два санитары, вынесли до сих пор лежащее на полу тело. Зашли другие два санитары, положили меня на кровать, сделали то, что планировал сделать Валера – укол в руку. Я не сопротивлялся. Уже всё равно сегодня ничего менять не нужно. И делать тоже.

III

Обед в любимом кафе проходил точно по графику. Иван Осипович с удовольствием поглядывал на сладкое произведение искусства – пирог Баноффи по праву считался любимым десертом Ивана Осиповича. Перед поглощением этого

волшебства вкуса, Иван всегда смотрел на сладость, предвкушая безупречное удовольствие.

– Вы уверены, что это съедобно? – приятный женский голос, несомненно, был обращён к этой ситуации разглядывания. – Если Вы сомневаетесь, то лучше не пробуйте, наверняка гадко и безвкусно, – голос продолжал общаться с Иваном Осиповичем, который в свою очередь раздумывал, стоит ли поддержать бессмысленную беседу или воздержаться, и, наконец, оглушить себя вкусовыми ощущениями. Внезапно для себя, он резной лопаточкой отделил часть пирога, переложил эту часть на отдельную пустую тарелочку и протянул по направлению соседнего столика:

– Попробуйте, дорогая, может быть мой вкус не так уж и плох, – Иван не смотрел на собеседницу, его взгляд остановился на её изящно-грациозной щиколотке. Чуть ниже не менее изящные босоножки кремово-бежевого цвета слегка оттеняли цвет кожи в очень выгодном свете. Картина была приятная. «Щиколотки безупречны» – подумал Иван.

– Вот неожиданно! Мы ещё не знакомы, а я уже для Вас дорога! – мило засмеялась женщина. Иван поднял глаза выше и определил, что эта женщина ещё девушка. Она продолжила говорить. – Моё имя Вам интересно? Кира! Это чтобы не затягивать процесс знакомства, – девушка выжидающе замолчала.

– Иван, – коротко вздохнул Иван и отправил первую ло-

жечку лакомства в рот. Собеседница исчезла во вкусовом взрыве.

– Ну, что же, придётся попробовать Ваше угощение, немногословный Иван, – опять появилась новая знакомая и отвлеклась на пробу, чему наш герой был очень рад. Кофе тоже был неплох.

– Это непостижимо вкусно! Почему я не знала про это чудо раньше? – восхитилась девушка. – Я должна Вас отблагодарить! Давайте после того, как мы здесь закончим наши маленькие вредности-потребности, прогуляемся? Может быть, я принесу Вам удачу! Я никуда не спешу, есть немного свободного времени. Если, конечно, Вам не будет это в тягость. Вы погуляете со мной, интересный Иван?

– Хорошо, – ответил Иван, думая том, что, впрочем, эта девушка его не напрягает, её болтовня как-то аккуратно накладывается на окружающий мир, нисколько не портит наполненность это мира и не разрушает гармонию звуков наполняющих пространство вокруг него. Через пять минут он добавил. – Я не против прогуляться.

Девушка рассмеялась.

* * * * *

«Я не умею гулять. Смутные воспоминания о прогулках перед белым зданием психиатрической клиники часто мелькают в моём мозгу, но и тогда я не понимал зачем мы гуляем. Я не понимал, что я гуляю. Возили ли меня или я сам ходил? «Вам нужен свежий воздух!» – говорил доктор. Впро-

чем, там заниматься было больше нечем, кроме чтения лёгких книг самому или кем-то, настольных игр и прогулок на свежем воздухе. Тяжёлые или обучающие книги запрещали слишком нервное чтение, работа с инструментами – опасна, спорт – агрессивное, травматичное занятие. Станный способ вылечить людей – оставить им только две-три животные функции, которые никакого эффекта не дают. Проще было тех нас всех расстрелять или поставить в условия серьёзной опасности, постоянной, угрожающей жизни и здоровью. Конечно, часть бы растерялась и реально превратилась в овощи, но кому-то, вполне вероятно, надоело бы принимать ошибочные решения, безобразящие красоту разума, и они предпочли бы выжить. Ведь кто по сути чаще всего больные? Люди интеллектуального склада ума, не справившиеся с ударами жизни. Есть, не спорю и полные идиоты, не осознающие себя вообще, каким был, к примеру, я в детстве, но большинство – слабые духом люди, городская чешуя, которая плохо прикрепилась к рыбьей коже общества. Итог – отлетевшая чешуйка болтается в воде среди песка и ила грустной, не нужной частицей тела, не участвуя в жизни общего организма, медленно разлагаясь. Сколько подобных таких ненужных частичек вокруг, но ведь их не собирают силой в заведения и не заставляют гулять, играть и есть? Сотни пьяниц под окнами довольных жизнью сограждан, тысячи воров между разнорабочими, миллионы необразованных руководителей, психиатров дающих ложную двойную инфор-

мацию, ставшую популярной из-за желающих читать и слушать то, что понятно, легко и «по-твоему». Отдельная тема про психологов, если углубиться! Кто сказал, что должно быть по-твоему, что всё должно вращаться вокруг тебя? Если детали часов станут вращаться каждая по отдельности – пойдут ли часы вообще? Да, не спору, чтобы уметь позаботиться о ком-то, нужно сделать так, чтобы ты был в состоянии заботиться о ком-то сам, то есть должен воспитать себя, но ведь это процесс не одного дня и не одного года, и даже не тридцати лет! Это вопрос самообучения с детства. Ты можешь понять, говорить, как ты культурен и тут же в любом общественном месте раскричаться от того, что тебя обсчитали случайно, как истеричная девочка, которой куклу не ту купили. А ты читал психолога, ходил на его лекции, кивал и чувствовал себя на пути исправления, видел себя на вершине человеческого разума и понимания жизни. Да ни черта ты не понимаешь. В обществе можно жить, если всё общество стремится к общему благополучию. Рыночные отношения – прекрасно, любовь – замечательно, но носиться со своим самоутверждением, как личность, это похоже на бесполезный капризный писк шестилетнего ребёнка – разум появился, а жизнью управлять не может, жизни не знает, сам выжить не в состоянии, только за счёт других!»

– Иван, мне кажется, вы меня не слушаете! – новая знакомая шла рядом и рассказывала о чем-то, по-видимому, очень

занимательном.

– Вы ошибаетесь, дорогая. Что дальше сказала Таня этому Коле, подсунувшему ей мёртвую мышку в сумочку? Меня правда смущает вопрос – зачем этот Коля вообще подсунул ей мышь? Может Таня любит есть мышей? Извращённый вкус? Лакомство из детских воспоминаний? Или она изучает строение организма мышей? Препарирует? – он саркастично приподнял брови и в поддельном ужасе выпучил глаза.

– Иван! Вы ненормальный! – Ивана передёрнуло от такого определения его девушкой. – Какое препарирование? Какие лакомства, брр, жуть же! Шутки у Вас, я скажу! Он просто хотел привлечь её внимание таким образом!

– Ну, я же привлёк Ваше внимание своим гастрономическим вкусом? Кстати, вы тоже сомневались, Кира, что пирог можно есть!

– Ну, не мышь же! – она фыркнула. – Вы такой забавный! Вы ещё скажите: « Он мог ей в ногу нож воткнуть, чтобы она поняла, что ему нравится её нога!» Хотя, – задумалась девушка. – Получается, я это должна сказать со своей мышью! Вы совсем меня запутали, Иван. Как у Вас это выходит?

– Не знаю, – честно ответил Иван Осипович, на мгновение сам запутавшись. – Может природное обаяние?

– По-моему тоже, да. Вы от природы обаятельный. Это так сексуально, – добавила она и испуганно закрыла рот ладошкой.

– Мне тоже нравятся Ваши щиколотки, Кира! Они пре-

красны! – успокоил её Иван и зачем то обнял за талию. Она улыбнулась, но не вырвалась, не оттолкнула, продолжила идти рядом, прижавшись. Прогулка удалась.

IV

Мирон Матвеевич собрал делегацию и инструктировал всех одновременно:

– Коллеги, это неоднозначный случай. Конечно, можно списать на совпадение, что Валерий Евпатьевич умер случайно, от возбуждения и по странному стечению обстоятельств, мир его праху, но не будем забывать о профессиональной осторожности! Ведь пациент теперь уверен, что может «стирать» людей, когда ему вздумается! – Пожилой доктор сам не верил в то, что говорит, но старался придать своим словам как можно больше твёрдости. – Пациент, как Вы знаете, детство провёл в нескольких жутких состояниях, это всё наложило на его разум тяжёлые отпечатки. Сначала неверно определённый синдром Дауна, потом летаргический сон от резкой смены обстановки, переросший впоследствии в синдром младенца и, наконец, непостоянная кома, кстати, совершенно неизученное состояние, после неудачного удара дубинкой от одного слишком рьяно исполняющего свои обязанности медицинского работника. Вы представляете, что творится в его голове после всех этих воспоминаний, даже если он и не помнит никакие из них?

Коллеги с умным и удручённым видом покачивали головами в такт каждому слову авторитетного Мирона Матвеевича. Мирон продолжал:

– Итак, запомните друзья мои, не провоцировать пациента, не давать возможности вовлекать себя в политику «ты мне, я тебе», никаких исполнений желаний и подобной ерунды. Не стоит проверять на себе и на пациенте свои догадки. Сначала нужно разобраться, чего желает сам господин Каригубов и как он себя чувствует. Это моё мнение и это мой пациент. Но мне нужны независимые Ваши мнения и Ваш опыт. Возможно, Вам тоже пойдёт этот новый опыт на пользу. Если кто-нибудь желает высказать своё мнение сейчас или какие-нибудь предположения, говорите, я с удовольствием выслушаю. В палате больного я запрещаю Вам это делать. – коллеги опять покивали, и только доктор Жальцев сказал в ответ:

– Матвейч, ну что ты, в самом деле! Как будто первый раз.– пожевал губами, добавил вопросительно. – Он не буйный? Поставь на всякий случай пару молодцев в палате возле больного, мало ли что. Я не за себя переживаю, за коллег волнуюсь.

– Егор, мы все взрослые мужчины, нас семеро, тебе нужны ещё телохранители? Не волнуйся, Каригубов агрессии не выказывал, зачем его пугать санитарями? Но если тебе будет спокойно, вызову санитаров, они постоят за дверью. Прошу,

господа, пройдёмте в палату к пациенту, – Мирон приглашающе указал на дверь и взялся за трубку телефона. Все шевельнулись.

Через несколько минут белая гусеница умных сегментов, молча и задумчиво, поползла, иногда распадаясь, по коридорам клиники в сопровождении двух санитаров к палате Ивана Осиповича.

* * * * *

– Говорить буду я? – сразу начал Иван беседу, как только дверь палаты закрылась за последним из делегации, и вопросительно взглянул на предводителя вошедших. Тот кивнул вежливо. – Для начала, здравствуйте, Мирон Матвеевич. Как Вы себя чувствуете?

– Недурно. Здравствуйте, – смущённо проворковал Мирон, понимая, что в этот раз общение с пациентом его ответственная задача. – Почему Вы сказали, что будете говорить сами, о чём?

– Мирон Матвеевич! Да обо всём на свете! О птичках, о солнышке, о том, как я собираюсь выйти отсюда, когда собираюсь выйти. О том, что случилось при последней нашей встрече. Как чувствует себя Мария Семёновна? Почему я не вижу её в нашей компании? Очень занята? – Иван забавлялся, по-видимому, разгадывая реакцию Мирона и всех остальных гостей палаты, вглядывался в посетителей, но лица вошедших были каменными и внимательными.

– Мария и, правда, очень занята, поэтому, сегодня обойдёмся без неё. – Мирон Матвеевич помолчал, раздумывая. Прищурился. – Так Вы собираетесь отсюда выйти? А вдруг опять кома? Внезапно. Неожиданно. Случайно! Куда Вас вести в таком случае? У Вас ранее наблюдались некие симптомы не особо подходящие для жизни обычного человека. Поэтому, стоит Вас понаблюдать, благо лечение оплачено до конца жизни, человеком пожелавшим остаться неизвестным. Клиника у нас хорошая, доктора ещё лучше. Почему бы Вам не воспользоваться удобной ситуацией и не помочь себе? – Мирон позволил себе мягкую ободряющую улыбку.

– Неужели? Я не знал, что кто-то оплатил моё пребывание здесь. У Вас нет предположений по этому поводу?

– Думаю, это один из добрых людей, которому ваш случай показался очень грустным. Вы ведь ничего не знаете про своих родителей? Вас так долго «не было», если позволите так выразиться, – врач снова прищурился выжидающе.

– Расскажите мне, что с моими родителями, прошу Вас, – Иван выглядел, как вполне обычный человек, слегка немного удручённым в данной ситуации, тень задумчивости легла на его лицо.

– Пообещайте не волноваться, и я попробую, – Мирон Матвеевич дождался утвердительного кивка от пациента и продолжил. – Ваша история очень заинтересовала журналистов и, в связи с тем, что журналистов некому было остановить, а Ваш отец был очень общительным человеком, эта ис-

тория получила большую огласку. Поэтому я могу вам рассказать всё, не скрывая, Вы и так могли бы узнать это из газет позднее. Кто знает, если Ваше сенсационное возвращение окажется и полным немислимым выздоровлением, то Вы на какое-то время станете очень узнаваемой личностью. Так вот! Ваша мать, после вашего «перевода» с домашнего стационара на постоянный больничный, слегка повредила рассудком – думает, что Вы всегда у неё в животе. Она так же находится в клинике-санатории, на её имя положен тем же неизвестным, как мне кажется, благодетелем хороший счёт, которого ей хватит, чтобы продолжать вынашивать Вас до глубокой старости. Отец Ваш, к моему великому сожалению, скончался. Популярность принесла ему небольшую, но достаточную сумму за интервью и истории в газеты. Полученной суммой он довольно глупо воспользовался. Его страсть к сильным препаратам привела сначала к начинающейся шизофрении – голоса разные, исполнение глупых приказов (не стоит углубляться, я думаю, в историю его болезни), в итоге – остановка сердца от передозировки одним из препаратов. Вот, собственно, и всё, что я могу Вам поведавать, драгоценный Иван Осипович.

– Оставьте меня, думаю, я имею право побыть в одиночестве, – пациент выглядел полностью подавленным и по-детски грустным. – Приходите завтра. Я буду готов с Вами побеседовать. Мне не по себе отчего-то.

– Конечно, друг мой, отдыхайте. Мы придём завтра. – Де-

легация медленно и с общим ощущением печали вышла из палаты, оставив Ивана наедине с полученной информацией.

За дверью палаты люди в белых халатах смотрели друг на друга с немим одним и тем же вопросом.

– Да, здоров он, как будто, – ответил за всех Егор Федорович Жальцев. – Здоров. Слегка странный человек, но не похож на больного. И никакого бреда про супермена или исполнителя желаний не нёс.

– Посмотрим, – закусил губу Мирон Матвеевич и добавил. – Завтра повторим. Слишком мало произведённой практики. Пройдёмте.

* * * * *

Врачи ушли. В палате было тихо. Иван сидел на пустой постели с видом потерявшегося в этой чужой ему белой комнате с ощущением полного и безграничного одиночества. Прошлого больше не осталось.

V

Ночь была тихой. Иван Осипович успокоился. Он то закрывал глаза, то открывал, но ничего не менялось. Сон не приходил. Были обрывки каких-то воспоминаний, но зацепиться мыслями было не за что. Шорохи улицы и внутри здания давно затихли. Неожиданно что-то неуловимо изменилось. Комната наполнилась зеленоватым мягким светом,

будто одна из звёзд ночного неба случайно раскалилась на сковороде неба и стала пылать необычным светом, рассеивая свои лучи, проливаясь в окно палаты нашего героя. Иван спросил вслух:

– Кто здесь? – не получил ответа, вздохнул и стал наблюдать как плавают волны света по стенам. Это было очень умиротворяющим зрелищем. Даже не заметив, как произошло следующее, Иван стал вслух обрывками читать волны игры света, ставшие его словами, его звуками, его голосом. – Не волнуйся. Я здесь. С тобой. Ты вернулся. Стал собой. Свобода близко. Продолжай быть.

– Кто здесь? – Иван не испытывал страха, только небольшое волнение от происходящего. – Я ненормальный? Поэтому я в больнице? Из-за голосов? Из-за тебя?

– Нет, – читал в небесно-комнатном свечении на стенах Иван. – Ты нормален. Просто расстроен. У каждого начала есть свои странности. Привыкай.

– Странности, значит. Ну, это не страшно. Страшно, если бы ты был зеленоватым светом, разговаривающим со мной, а так всё превосходно. – Иван почти дремал. – И чем закончатся все эти странности?

– Кто его знает, – световолны Ивана замерли на мгновение. – Вероятно, хорошим таким эпилогом. Можем закончить сейчас, тогда ты уже не встанешь с этой простыни, а уже кто-то другой завернёт тебя в неё. Такой эпилог нравится?

– Не особо. Как то слишком бестолково получится. Я же только Валерия и смог стереть. Вдруг в этой клинике ещё есть кто-нибудь бесполезный? Кстати, а как я его стёр? – Иван заинтересованно взгляделся в ничто.

– Как, как... Просто. Когда нет ничего вообще, то и часть этого ничего можно удалить, без потери энергии всего окружающего. Знание делит нас на двигающихся вперёд и остающихся на месте, но тем, кто тянет это знание назад, нет места среди остальных. Я тебе на любой подобный случай – кара свободной глупости. Но стоит тебе ошибиться, я заберу тебя у мира.

– Совсем? – расстроился Иван.

– Нет, что ты. Пару пальцев отверну с правой ноги, и дальше развлекайся, – свет искрился.

– А, понимаю. Нотка здорового юмора... Так у тебя же нечем откручивать мне пальцы! Засветишь до растворения? – Иван искрился.

– Мой мальчик. Отдыхай. Только не шали. Нянькой, как в детстве твоём, я уже не смогу тебе быть – воображение у тебя не на том уровне. Снов, Ванечка.

– Снов, Сологуб, – улыбнулся Иван и крепко заснул, втягивая в себя зеленоватое свечение палаты.

* * * * *

Наутро медсестра, по распоряжению Мирона Матвеевича каждое утро проверять теперь состояние господина Каригубова, обнаружила того уже проснувшимся, улыбающимся, с

заправленной аккуратно постелью в палате. Иван Осипович стоял у наглухо закрытого окна и рассматривал синичку на подоконнике. Синичка почему-то так же внимательно рассматривала Ивана Осиповича, будто он должен немедленно превратиться в её собрата из отряда воробьиных и показать самые богатые кормом места во всей округе. Но Иван Осипович почему-то не торопился превращаться в пернатого, а с милой улыбкой, слегка задумчиво, смотрел на птицу через окно палаты, которую покинуть в данный момент не мог.

– Иван Осипович! Прекрасно выглядите! – промурлыкала медсестра. – Вы знаете, теперь, когда Вы в сознании, Вы можете выбирать себе, что приготовить Вам на завтрак! У нас вся пища здоровая, но с Вашим железным здоровьем и оплаченным счётом, Вы можете позволить себе много чего. Ах, Вы же договор нашей клиники не читали! – всплеснула она ручками. – Я Вам обязательно принесу, почитаете. Там много интересного написано, даже про возможность выписки самостоятельно!

– Милая Татьяна! – Каригубов даже не задумался о том, откуда он знает имя медсестры. – Я же могу позволить себе Вас называть без «Викторовна»? Вы так милы и юны, что, думаю, Вас это только расстроит! А Вы можете называть меня Иван.

– Конечно! И даже можете называть меня на «ты», – заулыбалась девушка. – А если Вы окажетесь полностью здо-

ровы, то я даже не откажусь с Вами сходить куда-нибудь поужинать. Видите, как Вы мне симпатичны?

– Таня, с удовольствием. Вот только мешает мне сейчас одна маленькая вещь, – Иван, мило гримасничая, почесал подбородок.

– Что же Вам мешает Иван Осипович? – девушка не так легко перешла на «ты», по-видимому сказать легче, чем сделать.

– Скажу, не поверите! Побриться мне надо. Негоже мне идти с вами ужинать таким патриархом. Понимаю, самому мне в руки бритву поостерегутся давать, но ваши услуги включают данную в список мне положенных привилегий?

Татьяна была поражена. Этот приятный молодой человек столько времени лежащий без движения, бессловесно, безэмоционально, приходил в себя «овощем», опять впадал в спячку, а сейчас вёл себя совершенно нормально, легко владел оборотами речи, с которыми она не всегда могла справиться, шутил, украшал речь мимикой.

– Конечно, Иван Осипович. Всё включено. Я побеспокоюсь на Ваш счёт.

– Зовите меня Иван, будьте любезны. Вы очень милы Таня, спасибо. – Иван незаметным движением взял девушку за руку и слегка пожал её. Руку девушки, как током пронзило. Приятно.

– Хорошо, ждите, – рассмеялась она. – Так что Вы хотели

бы на завтрак, Иван? Есть что-нибудь любимое из блюд? Или Вы не помните?

– Как же не помнить. Конечно, есть. Овсянку, пожалуйста. Хлеб со сливочным маслом. И вишнёвый чай, если Вас не затруднит.

– Будет сделано, Иван О..., Иван, – поправилась Татьяна и убежала, сверкнув глазками на прощание.

Иван ещё раз почесал подбородок и вновь отошёл к окну. Синичка всё ещё наблюдала за ним через стекло.

VI

– Этого просто не может быть! – Мирон Матвеевич порывисто ходил по комнате взад-вперёд перед двумя своими коллегами и нервничал, что было видно по раздувающимся ноздрям. – Каригубов нормален! Вы читали его историю болезни? И Вы? – по очереди врач обращался к коллегам, получив одобрительные кивки, он продолжал. – Как? Я такой истории болезни в жизни не видел! Невозможно быть Дауном, необразованным психом с синдромом младенца, плавно перейти в кому и очнуться совершенно здоровым человеком, правда, предварительно испугав трёх врачей и доведя одного из троих до смерти!

– Матвейч! Ну, что это вы говорите? Как он мог довести бедного Валерия до смерти? Это нелепое совпадение, не бо-

лее того! Он его не пугал, не третировал, не трогал даже. Не от счастья же Валера «кони двинул»!

– Егор, ну и выражения у Вас! – остепенил уже немного нами знакомого Егора Павловича Жальцева Алексей Валентинович Ароновский, очень авторитетный психотерапевт, психолог, написавший уйму забавных и полезных девичьим умам книг по психологии и самоутверждению себя, как личности в современном обществе. Его книгами зачитывались, ими руководствовались, и даже сам Мирон Матвеевич, частенько почитывал книги Ароновского за бутылочкой французского коньяка, то высмеивая, то поддерживая порывы писателя. Ароновский продолжал. – Я понимаю, более естественным и честным быть нужно, а оттенок чёрного юмора, как нельзя, кстати, показывает Ваши скрытые эмоции и сопереживание бедному Валерию Евпатьевичу, но ведь у нас сейчас очень серьёзный разговор! На кону жизнь ещё одного человека, который, вероятно, очень желает стать полноценным гражданином нашего с Вами общества, который страстно жаждет стать полноценной личностью, обрести своё «Я» в мире прекрасных людей и занять своё место в этом мире! Ведь если он не сможет стать собой, воспитать себя, вылечить себя, как он сможет быть полезным другим? Как он сможет воспитать детей, о которых он, вероятно, тоже мечтает в будущем и... – Алексей Валентинович увлёкся, забыв, что он не на семинаре, им проводимом, и перед ним не публика, жаждущая изменить свою жизнь.

– Алексей, вот наказание! – перебил его возбуждённый Мирон. – Один шутить изволит, второй глобальные темы развивает! Вы мне скажите, что мне делать? Я осматривал Каригубова трижды. Говорил с ним раз пятнадцать, как девчонка к нему на свидание уже раз по пять в день бегаю! Понять ничего не могу. У него словарный запас лучше моего, он разбирается в любом деле, может поддержать разговор на любую тему! Это невозможно! Даже если его мозг запоминал все слова, когда-либо произнесённые рядом с ним, он не мог их так связно складывать. По крайней мере, это противоречит всему, чему меня учили, и всему, что я когда-либо сам изучал. Может, это я олух и пациент этой клиники, а господин Каригубов меня лечит? Разубедите меня!

– Мирон, не нервничайте. Есть один способ проверить Вашего пациента. Повторите ситуацию. Вспомните Валерия, мир его праху. – Мирон Матвеевич с интересом посмотрел на говорившего Алексея. Что ни говори, всё-таки мудр был авторитетный доктор. Тот продолжал развивать тему. – Давайте создадим похожую ситуацию, и я Вас уверяю – никто не пострадает. Ну, не может быть так. Не умирают люди по мановению чьей-то руки. Вы убедитесь, что Каригубов никакой не «стиратель», он впадёт в депрессию, увидев, что его сверх способности выдуманы и возможно выйдет из своего контролируемого, комбинированного состояния эйфории счастья от возможности жить нормальным и верить в какие-то силы им управляющие! Я готов стать той самой ма-

рионеткой, которой будет управлять этот пациент. Я не боюсь каких-то там вымышленных сверхсил!

– Алексей, в том-то и дело, что я пытался с ним поговорить о том случае. Он говорит, что он ни причём, говорит, что нашло помутнение какое-то, говорил, как будто, не от себя, но и не от второй личности (думаю, вы подумали так, но у него и, правда, нет раздвоения личности). Он уверен, что просто хотел показать, что может контролировать ситуацию, в отличие от его прежних состояний, в которых он ничего не мог контролировать. Поэтому, в первый момент осознания себя, неправильно сформировал и саму ситуацию, и себя запутал, и нам голову заморочил. Я Вам говорю – это очень странный человек. – Мирон говорил резко, но параллельно о чём-то размышлял. Выдержал паузу, продолжая размышлять. – Впрочем, Вы правы, Алексей. Можно попросить Каригубова вызвать опять это состояние, он увлечется, и дальнейшее пройдёт по Вами описанному сценарию. Если пациент здоров, то вреда это не принесёт, а только огромную пользу, нас заодно успокоит, – Мирон устало вздохнул. – И пациента определит, как полноценную личность. Хотя это по моему суждению невозможно. Но мы-то знаем банальное выражение: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». М-да. – Мирон поджал губы и задумался.

– Матвеич, – включился в разговор снова Егор Павлович. – А куда Мария Семёновна запропала? Разве её этот

случай так напугал? С её-то неудачными опытами в процессе создания идеального лекарственного препарата? Кстати, что-нибудь получилось у неё?

– Егор, уж поверьте, смерть крыс воспринимается людьми легче, чем смерть себе подобных. Хотя, Мария очень даже неплохо держится. Она в лаборатории постоянно, что-то у неё там наметилось определённое. Говорит, как будет точно известно по результатам, расскажет. Суеверия даже у нас место имеют, – Мирон усмехнулся. – Кстати, Егор, ты будешь участвовать в эксперименте с Каригубовым?

– Вот вопрос! Конечно, нет! Ссыкотно. – Егор Павлович засмеялся на немой вопрос двух коллег. – Шучу, конечно, буду! Только позвольте предварительно панихидку заказать и гробик выбрать.

– Шут, – Мирон с укором взглянул на Егора. – Коллеги, извините меня, мне надо выйти, знаю, вы не любители. – Мирон вышел на балкон, не закрыв балконную дверь, и по комнате поплыл сладковатый табачный дым, вызвавший, как обычно, немое осуждение двух оставшихся в кабинете врачей.

VII

– Я не джин, уважаемые, – Иван рассмеялся. – Ну, сказал я Марии, что она лекарство доработает, наудачу. Раз она так этого желает, значит, сделает. Вот Вы бы хотели, чтобы в Вас

верили? Я бы хотел. А Валерия Евпатьевича, бедного, припугнуть хотел. Кто же знал, что он готовился отправиться в мир иной? Уверяю, даже я сам этого не предполагал, фантастика какая-то, мистика! Вы же мудрые люди, доктора, а приписываете мне способности божественного происхождения. «Не Иван Осипович Вы, а Бледный всадник, и имя Вам – Смерть!» Смешно же, – Иван расстроился как будто даже.

– Что Вы, Иван Осипович! Помилуйте. – Мирон старательно принимал вид беззаботного экспериментатора. – Мы просто предлагаем попробовать. Вот два учёных мужа перед Вами, они даже согласны погибнуть во благо науки, отдать себя в жертву опасного эксперимента. Вы попробуйте, чтобы у нас не оставалось сомнения в Вашем состоянии. Я Вам обещаю, если Вы пройдёте тест, я выписываю Вас. Мне больше не от чего Вас лечить, все тесты Вы прошли, как полноценный здоровый человек! Но я желаю-таки убедиться окончательно, что первое ваше состояние после пробуждения не вернётся. Пойдите на уступку, пожалуйста! – Мирон Матвеевич молитвенно сложил руки, умоляя пациента согласиться.

– Ну, что же, нет большой беды в том, чтобы принести Вам это маленькое удовольствие, – Иван посерьёзnel. – Только тогда и я требую, чтобы Вы тоже приняли участие в эксперименте. Меня это настроит на тот день пробуждения. – Мирон кивнул в ответ. Иван продолжал. – Вы должны быть честны с тем моим состоянием и полностью открыться. Соглас-

ны? – Члены комиссии эксперимента кивнули. Иван продолжил говорить, его голос стал ровным, безразличным и чеканным. – Я хочу, чтобы Вы представили для себя самое важное для Вас, озвучьте самое большое своё желание в жизни, ассоциируя себя с ним. Начинайте. По старшинству.

Мирон думал о себе, прокрутил свою жизнь в голове, прислушался к внутреннему голосу. Даже воодушевился.

– Я хотел бы, чтобы стало понятным мне то, для чего я живу. Не могу найти ответ, понимаете? Но ищу, читаю людей и учусь у них, – Мирон Матвеевич замер прислушиваясь к своему сердцу, ничего не произошло. Мирон продолжал с детски-наивным выражением лица сидеть на своём стуле перед Иваном Осиповичем. Напряжение спало, только мелко щёлкали стрелки висящих часов.

– Я хотел бы стать неотразимым для женщин. Это мой небольшой комплекс, он мешает жить по-человечески и решать более серьёзные вопросы, – слегка смущаясь, пробормотал Егор и добавил, обращаясь к коллегам. – Только никому, прошу Вас.

– Я планирую жить у моря, забыв о денежных вопросах. Я устал говорить людям то, что они и так знают. Чувствую внутри свою бесполезность, хоть и не признаюсь. Я не нужен по сути миру, – честно сказал Алексей Валентинович, на всякий случай уже представляя, что умирает от неизбежной кары. Не умер, но внутри что-то оборвалось и цеплялось в

районе пупка за какие-то органы. «Видимо, страх!» – решил Ароновский, ведь он по-прежнему сидел и глядел на своих коллег.

Иван молчал. Все молчали. Ждали. Прошло некоторое время.

– Мне очень жаль, господа, – прошептал Иван и улыбнулся. – Вот видите, глупости всё это. Я напрягался, как мог, даже такой же пустотой себя наполнил, не своей будто, но ничего. Всё в порядке.

– Ну, что же, Иван! Тогда Вы полностью здоровы, я не смею Вас задерживать, – с каким-то всё тем же детским сожалением пожал плечами Мирон Матвеевич. – Пойдёмте оформляться на выписку? Кстати, Ваш счёт от благотворителя имеет свободный доступ к хорошей сумме, можете ею пользоваться по своему усмотрению. А если вдруг мы Вам понадобится, милости просим назад, всегда поможем, поддержим!

– Вряд ли я вернусь. Спасибо за доброту! Хоть и прогулки в вашем парке мне понравились! – Иван подмигнул и улыбнулся.

Через два часа, распрощавшись со всеми, господин Каригубов покинул место душевной скорби, и вызванная машина увезла его в будущее.

* * * * *

Мирон Матвеевич стоял на балконе, курил и продолжал думать о поиске себя в этой жизни. Коллеги делились впечатлениями в кабинете Хромова, слегка развлекая себя хорошим коньяком. Мирон думал о том, что сегодня он и его коллеги впервые открыли свои самые сокровенные мечты. Ему захотелось помочь им. Мирон был богат, он мог помочь обоим – с деньгами, которые он им подарит, Егор станет популярным(богатых любят), а Алексей сможет позволить себе пожить в своё удовольствие на берегу моря(не нужно будет писать на потребителя и рассказывать мотивирующе-противные сентенции очередным великомученикам, озабоченным только собой).

– Друзья мои, – возвращаясь с балкона, Мирон решил порадовать коллег сразу. – Я готов исполнить Ваши желания без участия господина Каригубова! Хотя, вы получите от меня подарок, благодаря ему, – ожидая возгласов любопытства Мирон замолчал. Возгласов не было. Сердце Мирона забило сильнее, чем когда-либо в жизни. Оба коллеги сидели, обмякнув на диванчике, лицом друг к другу, и смотрели мутно-хрустальными глазами в никуда.

– Стёр, – прошептал Мирон Матвеевич и, ухватившись за спинку кресла, медленно сполз на пол. Смысл жизни не открылся в этот день Хромову, но жизнь осталась. Главный

вопрос был решён. Остались не главные.

Конец второй части

Часть третья

Книга

I

– Дорогая, я начал писать книгу! – кричал Иван своей супруге, закрывшейся в ванной комнате.

– Ванечка, я тебя не слышу!

– Книгу, говорю начал писать! Нашёл способ донести свою теорию жизни! Вот послушай, – он принялся читать, присев у дверей ванной громко и внушительно.

" Третья.

Путешествие в человека.

Вступление

Мышонок мой!

Ты стоишь на пороге своих возможностей и невозможностей! Я напишу 6 глав, в которых ты найдешь свою судьбу, смысл дальнейшего существования или не найдешь ничего и потеряешь даже то же самое ничто, но ведь это не потеря, раз ничего не найдено. Правда? Я долго думал, как луч-

ше сделать профилактику мыслей большого количества людей и нашел идеальный выход: книга и её экранизация. Это путеводитель во внутренний мир человека. Разве человек, не искал всегда ответы на вопрос кто он? И эти ответы тут есть. Впереди шесть этапов, постепенно помогающие ищущему найти, а не желающему искать – потеряться для ищущих, но это ещё впереди. Начав читать эту книгу или смотреть впоследствии экранизацию, ты войдёшь в мои мысли, а я в твои. Я услышу твою поступь, твои намерения. Услышу то, что ты сможешь мне сказать, потому, что ты будешь искренним, наедине со своими и моими мыслями. Итак, начнём наше путешествие вглубь души".

– Я тебя не слы-ышу! – пропела супруга Ивана Осиповича из ванной. – Я шумлю водо-ою!

– Откуда ты знаешь о чём я пишу? Кира, ты ведьма! Не зря я не помню, как мы познакомились! – Иван иногда дразнил супругу, напоминая, что она замужем за пациентом психиатрической клиники.

– Я всё знаю, я всё вижу. Всё, что нас с тобой касается! – пропела Кира.

– Слушай дальше, – крикнул Иван и, не ожидая одобрения, продолжил читать свою летопись:

"Этап первый.

Представьте себе, что вы частицы воды океана. Вас мил-

лионы, вы одинаковы и составляете одно целое, слегка, даже ничтожно, отличаясь по температуре, составу, насыщенности кислородом и т.д. Это нормально. Но вот одна частица решила стать самой красивой частицей и так, чтобы все остальные частицы воды узнали, что она самая красивая. Вторая, находящаяся рядом, захотела стать ещё красивее этой, но ведь это уже нарушение желания первой – бесконечное соревнование в красоте совершенно одинаковых частиц. А тут ещё одна задумала стать самой быстрой, другая – хитрой, третья – чуткой, четвертая – великой. То есть океан развалился на множество разных частиц не желающих быть океаном. Да, небольшая колония всё ещё держалась установленных правил, была за то, чтобы вместе создавать великий океан, и, если меняться то вместе, если волноваться, то тоже вместе, испаряться и падать дождём обратно равномерно, не меняя традиций созданного мира, но развиваясь вместе, собирая новые капли, вкладывая их в общий фронт комфорта. Их было мало, они внезапно стали лужей на поверхности хаоса, ранее бывшего великим океаном. Что же случилось с самыми-самыми? Они продолжали существовать, но уже одинокими. Что могли они? Только расхваливать себя, ожидая восхищения, давая дурной совет тем, кто слушал, и обучая наслушавшихся бесполезного бреда расхваливать себя. Океана уже не было. Рыбы, которые жили за счёт океана, ютились в маленькой лужице, задыхаясь от отсутствия места, водоросли забивали им жабры, потому, что тоже со-

брались в той луже, желтели от недостатка кислорода, гнили, добавляя от своего гниения ещё больше зловония в лужу, и вот лужа стала умирать посреди хаоса, бывшего раньше океаном. Результаты гниения и разложения проникли в остальные частицы, которые не были уже частью океана, но найти себе место в других измерениях не могли, потому, что созданы были эволюционировать и меняться здесь, в этой общей экосистеме. Они даже больше не задумывались, зачем созданы, к чему нужно идти, какие ошибки нужно исправлять, а если бы и задумались, то только в виде "Боже, я что-то неправильно делаю! Я где-то ошибся! Я плохо выгляжу! Мне нужно себя изменить! Я научусь дышать ухом! Я вырежу из ножниц бумагу!" И т.д. И тот, кто объединил эти частицы, решил дать им шанс исправиться, прежде чем убрать глупых "я-калок". Он рассказал им снова, как хорошо быть океаном и наполнять свежестью морского бриза воздух, делясь прохладой, ласкать песок волнами, отражать закаты в своих зеркалах. Как хорошо быть единым целым. Они слушали.

Давайте отвлечемся. Я спрошу вас. Какими бы вы частицами захотели быть?

Тех, кто ничего не понял, возможно, не будет на следующих страницах, но это не трагедия, это норма, которая ответит на ответ тебе лично на твои сокровенные вопросы. Я знаю, что со мной продолжат путь разные направления ду-

ши, те, кто не понял сути вопроса, те, кто ещё не начинал разбираться в себе и те, кому нужно дать возможность найти направление для себя. Остальным скажу «до свидания». Итак, отвлекитесь от чтения и загляните в себя первый раз – вы самая важная часть этой книги! Вы её герои».

– Обожаю тебя, – выходя из ванной, супруга чмокнула Ивана Осиповича в нос. – А о чём книга-то будет?

– Ты меня вообще слушала? – Иван сделал вид, что обижен, но обиды не было, было сплошное восхищение от грации супруги в милом халатике, от очаровательных стройных ножек в пушистых ушастых тапках и светлого личика в турбане из полотенца. Даже читать расхотелось. Почему-то он поплыл вслед за своей половинкой и прикрыл за собой двери всех книг, чтобы читатели не смогли увидеть тайну нежности семейных отношений, наполненных той самой пресловутой любовью, о которой не принято говорить вслух.

II

Премьера была назначена на вечер. Я даже не знаю, мечтал ли когда-нибудь о карьере сценариста. Наверно, не мечтал. И о карьере писателя, кстати, тоже. Даже не думал об этом. Но когда ты не стеснён в средствах и тебя наполняет какое-то вещество из слов и смысла, когда ты чувствуешь в себе выросший мир неизданного произведения, ты начинаешь

его издавать по всем направлениям. А если получается, что по всем направлениям тебе дают зелёный свет, то это непередаваемо, знать, что ты оставил что-то, возможно прекрасное, возможно полезное для грядущих поколений. Средства были. Я даже не предполагал, что мой «доброжелатель» оставил на моём счете такую сумму. Приятно знать, что ты действительно свободен. Только почему-то я знал, что свобода эта неспроста – был смысл в свободе. На жизнь мне хватало. В больницу не тянуло. После выписки журналисты таки пронюхали о продолжении недавно утихнувшей истории, и мой бюджет, за счёт моего сумбурно дикого развития, увеличился вдвое. Не нужная мне популярность... Родительскую квартиру я не трогал – мать могла вернуться к прежней жизни, если бы её сознание ей разрешило, но видимо какие-то транзисторы, проводящие импульсы тока реальности, навсегда перегорели в её голове. Не мудрено, мать, пережившая столько странностей, имела право стать душевнобольной по всем законам вселенной.

Я посетил свою маму в больнице. Это было забавно, с неким налётом трагизма. Наш диалог состоял из странных неоконченных предложений. Я часто прокручиваю в голове эту встречу. Даже сейчас она опять всплыла в голове. Вот я иду по веранде северного крыла больницы, в кресле у резного перильца сидит не утратившая своей красоты женщина, кутающаяся в плед. Я чувствую в ней энергию, которая

охватывает меня и заставляет чаще дышать, руки холодеют, но в груди разгорается тепло нежности. Я её помню, не знаю какой памятью, какими стёртыми временем и болезнью воспоминаниями, но помню. Это моя Мать.

– Ма... – голос мой предательски дрогнул. Не знаю, как мне нужно себя вести в этой ситуации. И обнять хочется и неловко – взрослый парень стоит перед женщиной, смотрящей куда-то вдаль и держащей руки на животе поверх тёплого пледа.

– Да, Ванечка? – мама не смотрит на меня, но начинает поглаживать свой живот нежно, ласково.

– Как ты? – наверно, это резонный вопрос, раз я его произнёс.

– Прекрасно. Мы вместе, что ещё нужно. Что тебе нужно рассказать о нас? – она смотрит далеко, а говорит с животом. А я?

– А я, мам? – я даже озвучил.

– А ты здоров, любим и необыкновенен. Самый необыкновенный ребёночек в мире. Ласковый и добрый. Не пинайся! – она прижала ладонь под сердцем, а я и не пинался, и даже не пытался. Было бы даже неплохо, если бы меня кто-нибудь пнул.

– Я тебя совсем не помню, – вырвалось из меня.

– Как же ты меня будешь помнить сыночек? Ты же не вырос. Не захотел со мной расставаться надолго и вернулся внутрь.

– Но я – вот он, стою здесь! – что-то щека под глазом стала намокать по направлению вниз, необычное ощущение в горле сжимает гортань. Мама на меня действует очень поразному!

– Стоишь, лежишь, плаваешь, летаешь, какая разница. Мы вместе, я тебя уберегу. Я тебя в себе прижму. Я тебе отдам всё в мире, я от бед тебя храню, – женщина уже напевала какую-то колыбельную, слегка раскачиваясь, озарённая необычным светом послеобеденного солнца.

– Я пойду, мам, – не смог не сказать на прощанье. – Люблю тебя.

– Спаси меня, сынок! Такое безумие происходит. Ты всех спаси. Все безумны, – шептала моя родная мама, её глаза прикрылись. Она задремала.

– Конечно. Отдыхай, – я уже уходил. Здесь с ней всё будет хорошо.

* * * * *

Редактор сидел задумавшись. Вступление и первая глава книги господина Каригубова его не впечатлила. Не было понятно, что с чем и как. «Жаль, что я слушаю этот бред только из желания подзаработать», – плыли мысли главного редактора. Не странно, что этот полупсих решил сам оплатить выпуск книги, но зачем он решил пожертвовать деньги в пользу редакции? Не понятно. – «Я смогу съездить, отдохнуть. Мои моральные принципы требуют отдыха после подобной прочитанной ереси! А зачем он считает, что должен сам вслух

прочитать мне эту книгу? Не кому больше слушать видимо. Потерплю! Образы какие-то, учение, что ли, желает эдаким художественным образом пропихнуть? Ох, уж мне эти современные учителя! Со всех отверстий так и лезут! И благо бы умное что приносили, или образование поднимали, так нет же – чешут о гармонии, соционике, саморазвитии. Ассоциации, правда, любопытны, интригует – к чему ведёт. Сомневается, что мало читателя будет? С его планируемыми вкладами в рекламу будут, уверен».

– Вы будете слушать продолжение? – послышался тёплый голос Ивана Осиповича, с любопытством наблюдающего за реакцией слушателя. Главный редактор Виктор Львович Соннов улыбнулся приветливо и кивнул приглашающе. Каригубов продолжил чтение.

«Этап второй.

Итак, сейчас, когда часть читателей испарилась в небытие – позволим себе такую аллегория, я хочу задать второй вопрос. К чему Вы стремитесь, помимо своего социального статуса?

Видите ли, дорогие мои люди, я желаю обобщить всю жизнь в маленькую точку реальности, которая включает в себя линию бесконечности, если смотреть под другим углом. Даже точка, если замкнуть ваше зрение с корректировкой на ней – бесконечная линия, воображаемая и реальная. По-

чему поставив точку, человек думает, что совершил что-то завершённое? Может, он только дал путь новой бесконечной прямой, совершив практически одно прикосновение к странице чернилами или краской? Все Ваши действия важны и бесполезны одновременно, но, совершённые с определённой целью, показывают нужно это действие или нет. В нужный момент Вы провели новую бесконечность или нет. Вся суть заключается в завершённости действия. В полезности нормы и бесполезности вершителя. Удар ножом прерывает чью-то жизнь, поставив точку для существования мысли единицы, но запускает миллиарды процессов, начиная с эмоций соприкасающихся людей с этой человеческой единицей и заканчивая переходом тела единицы в иную форму круговорота материи в природе. О ком заботился ударивший ножом? О бедствующих работниках сферы погребения усопших, что смогут позволить себе получить средства к существованию, за счёт погибшего? О трупных червях, что получают материал для своего благополучия? О химических реакциях, что выведут новые газы в атмосферу планеты тем или иным способом? Вряд ли. Скорее всего, ударивший ножом не смотрит так далеко, он примитивен эмоциональным моментом, но его воздействие на мировые силы и великие энергии не уменьшается. Но разве мир создавался ради того, чтобы так бездумно, но методично менять законы природы, которые взаимосвязаны и строго настроены? Пустите ребёнка к силовому электрошлиту поиграть с проводочками

и тумблерами. Что произойдёт через некоторое время? Правильно. Энергия уничтожит существо, не понимающее, что оно творит. Потревоженная несмышлёньшем энергия обуглит маленькие ножки, ручки, сварит пустой мозг и превратит в непрозрачные стеклянные шарики, обескураженные на мгновение, даже не успевшие получить свою порцию страха, глаза. О, Вы меня осуждаете. Разве это способ понять – осудить человека обрисовавшего реальность? Нет, это возможность взять себя за причитающиеся к данному случаю части тела и ткнуть себя моськой в медленно проявляющееся понимание своего полного непонимания окружающего. Так к чему Вы стремитесь, кроме своего социального статуса? По-быстрому накопить средства для безбедного существования, размножиться и развлечься? Или всё-таки развитие роль играет? А какое именно развитие? Развитие бицепса? Может, развитие навыков пузырепускания? Или надо развить органы пищеварения для переваривания большего количества пищи? Вот Вам вторая стадия доведения своего органа мышления до оргазмического состояния. Не торопитесь прочитать книгу дальше, пока не обдумаете и не запишите все свои вопросы. А уж после того, как Вы придёте к определённым выводам, мы, опять же уточню – те, кто останется жизнеспособен после обрётённых выводов, перейдём к третьему этапу нашей с вами инструкции выбора правильного пути в жизни».

Виктор Львович с любопытством смотрел на остановившего чтение Каригубова.

– Иван Осипович, признаюсь, вы разбудили моё любопытство. К чему Вы ведёте? – редактор задумчиво взглянул на писателя. – Вы желаете, чтобы Вас прилюдно раскритиковали и написали во всех рецензиях, что Вы социопат?

– А что Вы сами думаете о моих предложениях в книге? – прищурился Иван.

– Пока ничего. Я особо не вникал. Я слушал плавность звучания, технику написания и теорию впечатлительности от поверхностного ознакомления с вопросом. Что я думаю о себе, как о личности – этот вопрос пока меня мало интересует. Моя работа заключается в поверхностной оценке работы писателя. Люди в большинстве читают и слушают всё поверхностно. Это, как современное строительство и ремонт – красота поверх мусора смешанного с песком и цементом, – редактор призадумался. Добавил. – Хотя, смею заметить, я невольно стал разбирать себя на запчасти и искать аналоги своих действий. То есть, Вы, Иван Осипович, добились того, что слушатель стал мыслить на одной волне с Вами. Или, по крайней мере, слушатель пытается мыслить на одной волне с Вами – это огромный талант, умение заинтриговать читателя. Вы продолжите чтение? – уточнил Виктор Львович.

– Нет, драгоценнейший мой человек. Не сегодня. Я верю в свою книгу, поэтому оставлю Вас с Вашими мыслями наедине. – Каригубов, улыбнувшись, пожал руку редактору и

покинул приёмную.

III

«Этап третий.

И вот мы добрались, в сокращённом количестве заинтересованных, до более глубоких внутренних задач. В чём наше предназначение? В чём предназначение каждого лично? Это те основные задачи, которые мы решаем всю свою жизнь, постепенно уменьшая объём желаемого знания. Сначала оно глобально – ищешь ответ в великих сферах. Потом – пробуешь себя в разных сферах, поиске своего иерархического места в социальной ячейке, определяешь размер своего значения в рабочей сфере человечества. И, наконец, со временем начинаешь разбирать себя в мелочах, определяя только хрупкие характеристики поведения – слабости, твёрдости в той или иной ситуации. Ты становишься организмом. Немного мыслящим, немного ищущим, слегка ненормальным, слегка ранимым и т. д. Почему происходит именно так – ответ в тебе. Твои границы желаемого сжимаются до попытки выжить в одиночестве, даже если ты нашёл пару другого пола или того же, что и твой – это осуждаемо и не практично, но так есть. Обвиняя себя, чаще втихаря от всех, ты недоволен ни своим социальным статусом, ни своими не развитыми возможностями. Ты по сути уже мёртв. Конечно, многие продолжают свою жизнь, прячась за такими посту-

латами, как «воспитание потомства», «продолжение рода», «сохранения вида», то есть они представляют себя животной фауной планеты с большими возможностями, чем у других видов земной фауны, но, тем не менее, одним из многого разнообразия видов животных. Так поколения за поколениями теряют свои жизни бесполезно. И вот тот же самый вопрос, но уже с предварительным разбором и последующими дополнениями, ответ на них: в чём твоё предназначение? Самоличное развитие приносит тебе формальное удовольствие, успокоение? Отказ от развития лучших качеств позволяет тебе почувствовать умиротворение? Что бы ты хотел получить от жизни? Что бы ты мог дать другим? Отвлекись, подумай и возвращайся вскоре с решением».

* * * * *

Звукорежиссёры умирали. Один за другим. Без причин.

Музыкальные редакторы и звукооформители дохли. Как мухи. Но прилетали другие. Оплата была достойная.

Специалист по спецэффектам Егор сказал, что таких фильмов ещё не делал, но образ новой библии создаст:

– Давно пора. Каждому веку своя религия. Мы в шаге от развития, – поржал, посверкал стёклышками очков и продолжил делать графический фильм.

Благо, актёры были не нужны, только голос за кадром, читающий текст. Много голосов, на всех языках.

Правда, фильм такого формата напоминал нечто среднее

между лекцией и теорией, но с рекламой такого масштаба никто и никогда не проводил своих лекций. Плюс, слухи о книге с фантастическим рейтингом в мировой истории уже подготовили тех, кто не любил или не умел читать, к просмотру.

Субкультуры расцветали по всему миру. Каригубова обещали сжечь. Миллионы людей по миру, прочитавшие его книгу, умирали. Просто, без видимых причин. Говорили, что он нашёл то, что расстраивает человека до смерти. Книгу читать запрещали. Но официально запрета не было – как может книга убивать? Тем более множество людей прочитавших её продолжали жить, но совпадений со смертельным исходом было слишком много. Книга была на полках магазинов, в сети. И просмотры продолжались. Смертельные случаи тоже. Своего рода испытание тебя на прочность. Те, кто остались живы после прочтения, молчали о каком либо действии на них прочитанного. Книга стала сенсацией. В каждом доме был экземпляр. Впервые в истории экземпляр книги в каждом доме был, как пример того, что это читать нельзя. Детям строго настрого запрещали брать книгу в руки. Не всегда помогало.

Супруга Каригубова смеялась:

– Ваня, ты свёл с ума весь мир! Я знала, что ты ненормальный, но не ожидала, что твоя ненормальность так заразна! Как думаешь, я тоже больна?

– Ну, что ты, родная, – морщился тот. – Люди сами не знают, с какой игрушкой интересней играть, вот и придумывают от скуки новые. Кстати, ты заметила, слава Богам, блогеры перестали быть популярны вообще. Эта упадническая линия перестала быть нужной людям. Впрочем, как и глупой тоже. Теперь остались в основном профилирующие лекторы, которые могут делиться знаниями и оставлять эти знания следующим поколениям. – Иван, возбуждённо рассказывая жене свои наблюдения, размахивал руками. – Может, поэтому я и написал эту книгу? Я, кстати, вообще не задумываясь ни о чём, иду каким-то интересным путём. Куда он приведёт? Может, к новому мировоззрению? Лучшему? Худшему? Смешанному? М? А смысл?

– Пойдём, покажу, – Кира умела всегда быть соблазнительной, что никогда не было не замечено супругом. Он слегка морщился, как будто это соблазнение было некстати, но мимолётное недовольство стиралось, и жизнь продолжалась. Он шёл к ней.

«Почему эта странная женщина меня так увлекла? Зачем мы поженились? Наши придуманные обряды меня сведут с ума вторично!» – руки Каригубова уже начинали обнимать любимую женщину, и зарождающиеся мысли лопались, растворяясь, в голове.

* * * * *

«Этап третий (продолжение)

Подумал? Я рад, что ты остался с нами. Что твоя нить

распутала ещё один маленький узелок загадки. Ты понимаешь, что развив себя в какой либо сфере деятельности, ты можешь учить других. Но это, фактически, однобоко. Мы все почему-то безудержно стремимся к существованию в моно-фракциях, обособленности, желанию лидерствовать. Почему? Ведь даже природа даёт намёки, что это ошибочный путь развития. В любви и драке всегда рассчитано участие двух человек, как минимум. Религии предлагают объединения народов. Детали по отдельности не создают механизмы, они отвечают за работу механизма в целом. Наш воздух – наличие множества компонентов. Твой организм – совокупная работа органов. И это намёк. Твоя задача – поддержка остальных деталей, если ты видишь, что они застопорились. Задача другого – поддержка тебя. Ты пробовал делать это, в зависимости от своих возможностей, не для рекламы и без желания быть благодетелем, популярным, без желания наживы? А ведь результат в любом случае будет. И с правильным подходом колоссальный результат и для тебя, и для следующего поддерживаемого тобой. По-другому не бывает. Суть такова – наши изначальные возможности и действия извращены. Мы начинаем с производного и пытаемся прийти к запуску процесса. Результат и в этом случае будет, но опять же – извращённый, вывернутый наизнанку. Ты сейчас – мясо наружу, внутренние органы по контуру, а хлюпающая по внутреннему вакууму кожа внутрь. Картина прекрасна, не правда ли? И после всего этого «развития» ты ищешь ответы

на свои вопросы? Да ты не услышишь ответов, ты задаёшь их там, в глубине сморщенной белёсой кожи, твои глаза смотрят не вокруг, в поиске решения вопросов мироздания, а в вакуум пространства, созданного тобой же, твоим мировоззрением. Ударь животное – оно укусит, даже если и меньше тебя. Покорми, спаси животное – оно будет благодарно, хоть и не всегда сможет выразить это так, как тебе будет понятно. Посади животное в клетку, оно перестанет быть собой – или будущее мясо или игрушка, никогда не простит тебе. А ты себе простишь за себя? Родителей своих, если они тебя воспитали наизнанку? Если всё так, ты мертв. С чем тебя и поздравляю! А теперь тебе нужно знать, что ты обо всём этом думаешь? Куда ты идёшь, к чему? Пора отложить книгу и подумать. Скоро увидимся!»

IV

– Это будет короткометражка по книге! Шесть серий по двадцать минут! – говорил пьяный очкастый посетитель. Бармен кивал и сочувствовал. Посетитель объяснял. – Я делаю образы. Мне всегда нравились образы. Образы несут информацию, они помогают раскрыть потенциал. Это гипноз, понимаешь? Это Бог! – он вопросительно склонил лицо над бокальчиком с напитком. Бармен понимающе оценил открытость.

– Я чувствую, что это важно! Как вот важно, что ты сейчас меня слушаешь, дружище! – специалист по визуальным эффектам и компьютерной графике пылал вдохновением. – Ты даже не знаешь над какой работой я тружусь! – Бармен не понимал и участливо поинтересовался взглядом, вопрошая всем видом узнать ответ, что за работа так возбудила аниматора. Тот с усмешкой поднял бокальчик. – Про «Третею» слышал?

– Что-о? – резко вскинувшись, подал голос бармен, выйдя из образа. – Какого дьявола ты делаешь? Это книга смерти! Ты больной придурок! Нельзя! О, чёрт! Все это знают! Мало тебе смертей?

– Друг, я её читал. И перечитывал. И пере-перечитывал! Я жив. Я счастлив. Я не изменился. А благодаря слухам, люди скоро будут верить, что эту книгу – сам дьявол во плоти написал. Видел я этого Каригубова, нормальный дядька, с придурью чуть. Точно не дьявол. – Егор рассмеялся. – Ты сам-то читал «Третею», брат?

– Нет. И не собираюсь. Я цитаты в инете перестал читать – вдруг из этой безумной книги взяты, – бармен уже с опаской поглядывал на посетителя. Потом спросил. – Прямо читал? И живой?

– Мало того, читал. С интересом. А цитаты ты и в разговоре услышать можешь. Вдруг я и сейчас цитирую? – Егор протянул бокальчик. – Плесни ещё. Расслабляет. Да, не нервничай, друг. Умирать у тебя в баре не стану. На фильм то пой-

дѣшь?

– Нет. Мне и без фильма нормально.

– А зря.– Егор потряс бокальчиком. – Знаешь, я тоже странный всегда был. Мало мне себя. А ты, Миша? Всегда хотел разливать алкоголь?

– Точно не цитируешь эту дурь? – Миша нервничал.

– Точно не цитирую. Спрашиваю.

– Нет, этот бар так – зарабатываю на жизнь. Я художник, коплю на учёбу, хочу во Франции учиться, язык выучил уже даже, – бармен улыбнулся. – Это мечта, конечно.

– Твоя шестерёнка мне близка, брат. Дай номер своей любой валютной карты. Пустой, чтоб не сомневался. Не ограблю. Мне будет приятно оказать тебе небольшую помощь. – Егор выпил. – Да не бойся. Учись доверять людям, брат. Люди – необыкновенные существа. И неожиданные тоже! – он подмигнул бармену.

Бармен записал на стикере номер, с ухмылкой отдал Егору, прокомментировав:

– Знаешь сколько стоит учёба?

– Разберёмся. Главное, чтобы на пользу. – Егор встал и расплатился. – Надеюсь, через пару дней я тебя здесь уже не увижу, – добавил, уходя. – А книгу ты всё-таки прочти, только искренне. Прощай.

Михаил проводил уходящего в пьяной дымке посетителя

взглядом. На душе было нехорошо, обидно как-то за себя. Жалел, что поделился своей мечтой. Посыпались мысли в голове: «Прям, как попрошайка, номер карты дал, идиот. Люди не помогают друг другу просто так. Каждый сам за себя!». Он почему-то бросил бокальчик Егора в мусорное ведро со злостью. Пиликнул телефон. Миша машинально, нахмурившись, провёл по экрану. Посмотрел текст сообщения. Сел на стул и замер. Надолго. Сообщение было коротким:

«На Ваш счёт поступило 50.000(пятьдесят тысяч)EUR. Спасибо».

* * * * *

«Этап четвёртый.

Мне интересны Ваши мечты. Ваши планы. Ваши сомнения. Ваши стремления. Я – прототип детектора лжи, созданный Вами самими у Вас же в голове! Обратили внимание, что я не учу, не говорю как и что делать? Я думаю вместе с Вами. Это Важно. Важно всё, что касается каждого человека в отдельности. Важно всё, что касается человека сидящего рядом с Вами или того о ком Вы думаете! Это цепь событий и планов, лента общего конвейера из кусочков жизни, теорий и прототипов творений. Всё, что когда-либо ощущалось, как желание чего-то большего, стало реальностью, нужно только подтолкнуть себя навстречу каждому желающему соприкоснуться, контактировать. Гибкость ума даёт право на целеустремлённость и реализацию. Представьте, что каждый в этом мире готов Вас поддержать, помочь сделать следующую

щий шаг и воплотить Ваши мечты в реальность, потому что его цели совпадают с Вашими. Представьте, что Вы готовы, настолько, насколько это возможно, поддержать любого обратившегося к Вам за помощью и не обратившегося тоже, но нуждающегося. И теперь вопросы, после которых я предлагаю Вам опять отвлечься от книги и обратиться внутрь себя, прежде чем продолжать читать: «Как Вы используете эту возможность? Как распорядитесь доверием людей идущих Вам навстречу?» Вы сейчас наедине со своими мыслями, Ваш Выбор покажет Ваш внутренний мир. Не обманите себя.

* * * * *

– Какого Ярла отец назвал меня Кира, я ума не приложу! – повиснув на локте у Ивана Осиповича, супруга рассказывала что-то внезапно пришедшее ей на ум. – Наверно, хотел, чтобы я господствовала над людьми! А мне достаточно того, что я господствую над твоими мыслями! Ведь я господствую? – она дурашливо нахмурилась.

– Конечно, дорогая. Ты господствуешь! – Каригубов соглашался. Это было весело, соглашаться с женой. Они возвращались домой после скучного вечера с родственниками.

– Как тебе наши бабушки? Милейшие дамы, не правда ли?

– О, да, дорогая. Милейшие дамы!

– Ты такой врун! Ненавижу эти чопорные посиделки за столом, но после таких посещений чувствуешь, как хорошо жить, быть юной и сильной. Страсть, прям, бурлит во мне!

Ты чувствуешь?

– Да, дорогая, я чувствую! – Иван Осипович улыбался супруге и вечерним летним сумеркам. Погода была чудесная. Теплый и довольно сильный ветер в лицо не был лишним, освежал. Июнь радовал. Какое-то доселе ранее неизведанное чувство покоя бодрило Ивана, волнами поднималось в груди, опускалось к ногам. Земля плыла под ним так ласково.

Темный силуэт идущего навстречу человека, поравнявшись с супружеской парой Каригубовых, прошипел внезапно:

– Стой, демон. Из-за тебя умерла моя сестра! Сдохни! – силуэт выбросил руку с ножом по направлению к Ивану. Нож должен был войти в тело Каригубова в районе живота, но почему-то не вошёл. Силуэт замер и упал на землю. Кира сползла на землю второй, медленно.

– Кира! – вскричал Иван Осипович, ничего не понимая, подхватил супругу. – Слава Богу, жива. Испугалась, милая! – бормотал он, проверяя пульс, губами прижимался ко лбу, гладил волосы. Скоро она очнулась и расплакалась.

– Ва...Ва... – схватила его и всматривалась долго в лицо, ощупывала мужа в поисках раны.

– Тшш. Всё хорошо, дорогая. Я цел.

– Я испугалась!

– Я тоже. – Иван повернулся к упавшему человеку, осмотрел и его. – Мёртв. Странно.

– Как мёртв? Ты его убил? – Кира дергала мужа за локоть. – Это самооборона. Ты не виноват! Мой герой!

– Да нет же, дорогая, я его не трогал. Он отчего-то умер! Наверно, перенервничал, бедняга, – Каригубов озадаченно смотрел на супругу. – Представляешь, я ведь писал в книге, что убивать людей противно законам природы, что это вред всему человечеству в самом чистом виде! И он не смог меня убить. Я думал всё уже. Дописался!

– Думаешь, он умер в подтверждение твоей теории? – Кира успокоилась и составила кампанию озадаченности плывущей от Ивана. – Это фантастика какая-то. Дохнут, как мухи люди вокруг. Может это вирус? А вдруг мы тоже умрём? Я не знаю, как пережила, если бы ты умер сейчас, – она расплакалась опять.

– Я тоже бы расстроился, – Иван крепко обнял супругу. Помолчали. Он добавил. – Надо вызвать полицию. Человек всё-таки погиб.

* * * * *

«Этап четвёртый (продолжение).

Не буду томить Вас долгим ожиданием, скажу сразу – самое ужасное, если доверие человеческое будет использовано подлостью и хитростью. Надеюсь, искренне, что тех, кто определил себя мошенниками, уже нет с нами. Не думаю, что мошенники и подлецы достойны продолжать жизнь в развивающемся по правильному пути обществе. Лжец может обмануть другого, но себя не обманет. Пользы от обмана нет.

Человек теряет мораль, свободу, свет внутри. Представьте человека с ногами вместо ушей, с ушами на заднице, с глазами в ноздрях и т.д. Представили? Одно дело, что это уродство изначальное, так это ещё и неудобно, не практично и портит жизнь самому уродливому созданию. Можно списать подобный гротеск на индивидуальную ошибку природы, но ничего просто так не происходит в мире. Возможно, такие уродства произведены родителями имеющими в генах уродство моральное, ведь у духовного развития тоже есть свои приемлемые для существования формы. Если ты изуродовал себя духовно и физически осознанно, кто знает, как искривится пространство на твоём отпрыске. Понятно, что в процессе существования бывают отклонения, что физические увечья получают вполне здоровые физически люди но, зная первые этапы развития, мы можем помогать это исправить. К этому и идём в процессе. Сейчас мы говорим о другом, о выборе своего пути, своего сознания. Кому жить, а кому нет. Грубо. Прямо. Без лжи.

Возможности везде. Организация общества сделала наши способности куцыми, мелкими, слабыми. Связи строятся на родственных началах, не объективно, без логики, без настоящих чувств. Способность защищать ценой своей жизни – рефлекс, которому нет места в нашем мире, потому, что мы не должны нападать на себе подобных. Создавая проблему другим, мы создаём проблему себе. Убивая кого-то, мы убиваем себя. Это опять же – смерть при жизни. Дальше-то ни-

чего не будет. Зачем тянуть? Или живи, или нет. Ты рождён, чтобы жить. Тебя произвели на свет дышать, сиять, любить, развиваться. С самого рождения твой организм растёт, набирает силу. Разум с возрастом становится глубже, опыт помогает решать всё более серьёзные вопросы. Это ли не развитие? И это правильное развитие. Так почему, развиваясь в одном направлении правильно, в другом направлении ты не двигаешься? Это, как бросить человека на острове, не знающего ничего о травах там растущих, о животных там живущих. Голого и беззащитного. Сможет он выжить? Не сможет. Никаким способом. Без вариантов. Мы взаимосвязаны. И ошибки нужно исправлять. Вопрос в том, как ты будешь исправлять свои ошибки?»

V

«Этап пятый.

Вы разобрались, как будете исправлять свои ошибки? Правильно, посредством решения направленной задачи, используя любые ресурсы. Делясь своими ресурсами и получая в свободный доступ ресурсы остальных. Иначе не получается. Если воровать чужие ресурсы, Вы рискуете, что это не понравится тем, у кого Вы их украли, и, значит, с Вами можно поступать похожими способами. Ваши ресурсы тоже будут украдены. Хотя бы из-за мести, которая тоже неприемлема, но ведь играть против правил развития начали Вы. Вы

стерпите или в ответ решите тоже продолжить мстить, перестав думать о создании, начнёте творить разрушение. Итог – конструкция рухнула из-за одной дефектной детали – Вас.

Теперь Вы знаете, что все этапы книги взаимосвязаны в одно. Так кисть руки умывает лицо, глаза показывают физические препятствия и просветы, ноги ведут весь организм. Да, мозг находит решения, но без механизма взаимодействия всех частей организма мозг беспомощен. Что может воинствующий правитель без своей армии, учёных и рабочего персонала? Представьте, разочаровались в нем подданные, бросили его все и вот перед нами обычный человек не способный даже выбрать направление. Кому он нужен? Выбежит на рыночную площадь в элегантном костюме и будет кричать: я ваш президент? Может даже соорудит импровизированную трибуну и будет на ней показывать немую сцену упадничества распада морали. Любая его речь не произведет никакого эффекта, если он низвергнут доверием и уважением окружающих. Видите, все сферы касаются и поддерживают друг друга. И мы приходим к одной из решающих: уважение.

Уважение – первый посыл избавления от иерархии. Умение отказаться от неприязни. Идеальное решение отказа от секторирования на социальные ступени. Любое занятие, направленное на облагораживание современного общества, – развитие. Культура имеет сотни тонких связей, разрыв любой из которых может привести к искалеченному социаль-

ному лабиринту. Один разработал схему лабиринта, второй определил место расположения, третий построил, четвертый украсил, пятый добавил освещение и т.д., на всё ушло время. В итоге пользуются системой уже потомки, которые совершенствуют конструкцию и создают новые схемы для следующих поколений. Цель – облагородить фактом развития своё существование. Если это задумано от души, с желанием внести улучшения – благо. Если ты начинаешь клепать лабиринты один на один, не улучшая, с идеей нажиться на одном и том же – торможение развития. Ты вроде делаешь то, что было прекрасно вчера, но ты остановился, ты пошёл привычным путём, заработал, возможно, ведь это и была твоя цель, но ты ничего не сделал по сути. Просто стал паразитом на всеобщем развитии. Затянул его процесс, что противоречит законам вселенной.

Пусти по нашей орбите пятьсот идентичных планет земля, засели их одинаковыми существами, и наслаждайся однообразием развития. Потом ещё пятьсот. И ещё. Место закончилось. А что делать дальше? Уберем первые пятьсот, воткнём новые, такие же и по кругу. Убирая, уничтожим целые миры, но не жалко, есть ещё миллионы нами скопированных. А чего мелочиться – все удалим и начнём заново. Так происходит крушение цивилизаций. Не перевоплощение, а остановка в развитии. Звучит нудно и скучно, но разве ты живёшь веселей? В судьбе одного человека насколько всё изменяемо? А за несколько поколений? Это, как на-

учить обезьянку использовать палочку для извлечения вкусного червячка или орешка из отверстия и обезьянка будет делать так до конца жизни. Bravo обезьянке. Только уважать её не за что. Она не придумала пользоваться палочкой сама. Вернёмся к президенту. Почему бы и не к нему? Он наша голова, он собирает из умнейших людей мозг нашего государства. Он урегулирует конфликты с другими государственными организмами. С кем-то сливается, кого-то отсекает. Грозная фигура на территории мирового террариума. А ещё есть сантехник, который налаживает вывод отходов жизнедеятельности, и не только президента. Они не соприкасаются, но соединены. Две профессии. Президент и сантехник – кого Вы уважаете больше и почему? Разберитесь в этом вопросе и возвращайтесь к чтению».

* * * * *

– Уходите отсюда! – дворник перестал мести тротуар и обернулся. Страж порядка с строго смотрел на престарелого рабочего чистоты.

– Куда же мне идти, вона улица ещё не убрана! А у меня план. Каждодневный, – Виктор Павлович насупился. – Вы за меня дометёте?

– Дед, не шуми. Приказано очистить улицу. Ждём кортеж. Иди пока другой объект подметай, мусор вынеси, бухни, наконец, в подсобке. Просто освободи территорию, – молодой человек приветливо смотрел на дворника, но строго.

– Отпил я своё уже. Вона поджелудочная болит, сердечко

пошаливает, давление скачет. А лечить нечем. Я им улицы подметаю, а им всё равно.

– Да не всё равно мне, дед! Просто надо, чтобы на улице никого не было! Приказ.

– Мне работать надо, план у меня. Хочешь, чтобы твой кортеж по грязной улице ехал, видать президент катит? А как спросит, что у Вас за чистотой не следят, про меня скажешь «Виктор Палыч не подмёл»? Как я в глаза президенту смотреть буду? Али ты арестуешь меня за то, что я для президента своего стараюсь?

– Дед, достал. Тебе поговорить, что ли, не с кем? Пойдём, – молодой человек попытался вежливо взять дворника под локоток.

– Стоять! – взвизгнул дед. – Пока не подмету улицу, никуда не пойду. Мне осталось-то вона до того угла дойти, а там заверну и катите свой кортеж сколько пожелаете. Я уж не мальчик бегать туда-сюда. Всегда так подметаю. А пока мы с тобой лясы точим, я бы уже полпути до угла прошёл. – Виктор Павлович отвернулся и продолжил медленно мести.

– Ладно, дед, не жelaешь по-хорошему, будем сообщать! – сержант отвернулся, и в рацию отщелкал несколько резких слов. Через три минуты подъехала служебная машина. Сержант открыл заднюю дверь, козырнул и отчитался кому-то. – Вот, товарищ майор, гражданин не жelaет очистить территорию! – Вышел человек посолидней, и в два шага оказался рядом с Виктором Павловичем.

– Очистите, пожалуйста, территорию, гражданин. Это приказ! – прозвучал властный голос над дворником.

– А я чем по-Вашему занимаюсь, – уже психуя, ответил и повернулся дворник. – Игорь? Ты чего тут делаешь?

– Виктор Павлович! Здравствуйте! Сколько лет! Вы чего здесь? Как Ирина?

– Нормально всё. Ира? уехала она за границу давно. У меня, видишь, не сложилось с бизнесом, вот дворником работаю на старость лет, – дед улыбался, разглядывая мужчину в форме. – А ты красавец прям! Вот дура дочка!

– Ну что Вы, Виктор Павлович. Кстати, я правду говорю – надо Вам уйти. Приказ у нас. Всех удалить с улицы. – Майор, с извиняющимся видом, развёл руками. – Давайте попозже подметёте свой участок.

– Ты меня знаешь, я не люблю не доделки.

– Чёрт, давайте сюда метлу, отдохните пять минут – майор вежливо взял метлу у Виктора Павловича. – Сержант, срочно подмести до угла улицы в кратчайшие сроки! Выполнять!

– Есть, подмести улицу, товарищ майор! – Сержант схватил метлу и стал быстро махать метлой.

– Не пыли, шустрый, а то весь мусор разлетается, – Виктор Павлович строго следил, чтобы сержант подметал тщательно. – Ну, Игорь, спасибо. Передохнуть дал. А кого ждёте? Кто тут проезжать собрался?

– Да, кто его знает. Мы несколько маршрутов контролируем – президент в городе. Он один, врагов у него много.

– Кому ж он так насолил? Я, лично, зла ему не желаю. По мне, что он, что другой – улица чище не станет, – Виктор Павлович подумал и добавил. – Что же за жизнь-то такая у президента, если он своего народа боится? И что он за президент такой, что он своего народа боится. Враг самому себе. Или бедовый.

– Виктор Павлович! Улицу подмели, давайте я Вас провожу немного.

– Игорь, брось. У тебя работы хватает. Иди, охраняй своего бедолагу несчастного, а я и сам дойду. Мне бояться некогда. – дворник взял протянутую сержантом метлу и пошёл с места происшествия.

– Удачи Вам, Виктор Павлович! Свидимся, – вслед крикнул майор и добавил, смотря на удаляющуюся фигуру с метлой. – Да, верно подмечено, пока наши люди будут до смерти нищенствовать, так и будет президент от них прятаться на пустых улицах, каким бы он ни был. Ты, сержант, ничего не слышал! Ситуация разрешена, – майор резко повернулся, сел в машину и сержант остался один, поглядывая по сторонам.

* * * * *

« Этап пятый (продолжение) »

Действительно ли глупость граничит с трусостью или это одно и то же? Прикрываясь словами о самосохранении, мы подписываемся под своей жизнью – идиоты с манией преследования. Мы создаём себе веселящие газы самолюбования и

теоретической пустоты бытия, рисуем красивых богов, сильных героев, толпой время от времени раздавливая их, а потом опять расхваливая. Со стороны и впрямь похоже на идиотизм – психически нездоровая цивилизация. Только врачей не хватает официально прикрепленных к каждому. Сейчас начнётся проявление агрессии к написанному и написавшему написанное – прямое подтверждение этому написанному. Я сам к себе чувствую агрессию, не переживайте. Взял бы себя за волосы и об стену раз пять головой треснул, пока не пришёл к тому, о чём пишу, только без ложной видимости культуры, развитой душевности и воспитанности. Жаль, волос нет. Или не жаль. Проще пускать слюну со скошенным глазом к переносице, чем создавать видимость нормальности.

Итак, Вы разобрались, чем отличается президент от сантехника? Думаю, тут нет других вариантов. Да, ничем. Разное стечение обстоятельств. И попав на необитаемый остров вместе, сядут рядом под один кустик, разделят одну пойманную птицу, станут друзьями, возможно любовниками – всякое бывает. Полезное и беспричинное ходят рука об руку и действуют тоже сообща. Так какого дьявола президента сопровождает кортеж, а сантехнику суют в руку бутылку пойла, чтобы он не возмущался по поводу низкой оплаты? Социальная иерархия. Один делает видимость организации национального престижа, другой настраивает для первого водоснабжение. А что для человека важнее вода или новое зако-

нодательство? Мне важней вода. Без президента я бы, честно говоря, обошёлся. В цивилизованном обществе. В нецивилизованном обществе нам, естественно, нужны политики, военные, преступники и полиция, отлавливающая преступников, но только мелких. Крупных некуда садить, нет таких больших помещений.

Почему у нас всё недоделано? Недоученые, недотраханые, недостигшие идеала, недородители, недодеи? Не хватает ума доработать лекарства? Не получается перейти от дорогого топлива к более экономным энергоносителям? Просто всё – мы живём наизнанку. Кричим о рае на земле, а строим ад. Сами. Кому ты помог по-настоящему? Да никому. Ты себе помочь не можешь. Ты силишься выжить, а сделать ничего не в состоянии даже со своей жизнью. Твоя теория счастья высосана из пальца соседнего государства. Твоя политика творчества повисла на цепях позапрошлого века – это же актуально. Сколько это будет актуально? Поколений пять или шесть, или медленно затухнет, как костерок на одну ночь? Уважая других, ты начинаешь уважать себя, начинаешь ценить знание и цели. Ты несёшь развитие в мир. Ты стараешься для всех. Альтруизм? Прекрасное слово, прекрасное направление. А теперь вопрос на выходе из темы:

Как быть, если тебя стали уважать и что делать, если перестали? Реши эти два вопроса, ведь ты неплохо начал проникаться идеей стать человеком»

* * * * *

– Иван Осипович, зачем вы написали эту книгу? – важный человек волновался, но его легкое подёргивание правого века вряд ли кто-нибудь заметил, если бы это не было описано здесь. – Ну, понятно, там теория развития и всё подобное, но мне сказали, что Вы высказываетесь о правительстве не в лучшем свете!

– Вы читали эту книгу, уважаемый Анатолий Ефимович? – Иван был не очень доволен присутствием в гостиной представителя власти. Это на него странно действовало. Никак. Как будто кто-то пришёл говорить не о том. – Если Вы читали, Вы должны понять, что Вы сейчас делаете совершенно бесполезное действие. Разговаривать со мной – не лучшее, что Вы могли придумать. Обо мне ходят слухи, будто бесполезные люди рядом со мной мрут, как насекомые после контакта с дихлофосом.

– Иван Осипович, любезный! Я не верю в эти глупости, как не верю в пользу и вред вашей книги. Впрочем, как и во все остальные книги – обычное творчество людей. Развлечение, придуманное от скуки и безделья! Когда кто-то творит историю, другие пишут свои философии и предположения. Есть суровая реальность, её никто не отменял.

– Суровая? – Каригубов засмеялся. – Жизнь сурова от вносимых в неё поправок. Эти поправки вносятся идеалистами, желающими всё контролировать и давать ложные жизненные приоритеты. Вот скажите, зачем так поддерживается рождаемость, и зачем такую ответственность воспи-

тания, без наличия нормативов, возлагают на родителей детей?

– Развитие нации, увеличение творческого потенциала и укрепление ценности родственных связей! – политик вдохновенно вещал. – Мы поддерживаем рожениц и молодые семьи! Мы даём возможность проявить себя на производстве, в научной деятельности и помогаем материально на первых порах воспитать Ваших детей. Это плохо по-Вашему?

– Это бред, по-моему. Слова для интервью. Настоящая цель – большой оборот с точки зрения торговых отношений, увеличение налогов и бесплатная рабочая сила. Как там они у Вас называются – долгосрочные планы, 20-ти, 40-летние? Разве не стоит пересмотреть законодательство в корне? Хотите улучшить культуру – стройте центры культурные, поддерживайте бесплатное образование, удаляйте из поля зрения криминальные начинания. И, вообще, сделайте для преступников отдельную страну, с милитаризированной догмой, строгими военными законами и системой колоссальных штрафов, если Вы за благо радуете. Если желаете увеличивать население государства, возьмите все расходы за детей от воспитания культуры в них до полноценно обученных специалистов – и учителя востребованы станут, и дети вырастут разносторонними и не обречёнными на отсутствие выбора. Вы кричите о равноправии, но почему-то бездарности и бесхребетности ползают, как вши по телу государства на самых видных местах в районе лица, шеи, пальцев – некра-

сиво и бесполезно. Вы чего именно желаете? Ваша жизненная позиция какова? – Каригубов говорил спокойно, смотря куда-то вдаль.

– Мне нельзя говорить о своих предпочтениях, это чревато неправильным истолкованием недоброжелателей. Я не буду оскорбляться на Вашу речь, у нас свобода слова, как-никак, – политик рассмеялся, – но, тем не менее, Вы очень были резки в своих высказываниях, хоть и дали мне повод поразмыслить. Я понимаю, что вы желаете донести до меня. Это утопия, и на эту утопию не хватит моего времени жизни. Это слишком «долгосрочный» план. Зачем браться за невыполнимое? Вы думаете, Вы первый, кто мечтает о логических решениях тех или иных проблем? Это Вам не улицу переименовать, в конце концов. Вы ведь знаете, что даже закон надо утвердить, что любая деталь чертежа требует рассмотрения, потом модель тестируется на нагрузку и, уже после, используется по назначению. А Вы желаете одним желанием изменить всю политику законов! Это немыслимо. Доктрины развиваются и пробуются неофициально, потом рассматриваются более детально и, возможно, хоть и не всегда, находят себя в законодательстве. Так что не советую лезть в это с Вашими предложениями. Ваша книга и так стала первой в истории, которую читать отказываются и боятся! – Политик опять рассмеялся. Иван Осипович, не пишите больше подобного, а лучше напишите о развенчанности Ваших теорий во второй. Полезней будет.

– Анатолий Ефимович, давайте Вы не будете обращать внимания на бред ненормального, написавшего глупое сочинение, – говоря это, Каригубов рассматривал политика с любопытством

– Что ж, хорошее предложение. Может быть так и будет. Вы очень интересный человек, Иван Осипович. У Вас талант к ораторству. Я бы не хотел, чтобы с Вами что-либо случилось. Я искренне переживаю за Вас! Люди настроены агрессивно на Ваше творчество, поэтому и на Вас.

– Библию тоже не желали читать, а теперь ищут в ней смысл жизни. Вдруг, мне повезёт, и мою философию воспримут так же успешно. Кто может утверждать обратное? Вы уже на моей стороне, раз искренне за меня переживаете. Я тронут! – Иван Осипович продолжил обмен улыбками.

– Да, я и, правда, заинтригован. Если мне позволят, я прочитаю Ваше сочинение. Надеюсь, останусь жив, – политик опять рассмеялся и распрощался с писателем. – До свидания, дорогой Иван Осипович.

– Всего хорошего, Анатолий Ефимович, – кивнул Каригубов и пожал протянутую руку. – Буду рад снова встретиться с Вами. Может, Вы пересмотрите некоторые из своих взглядов. Спасибо за визит.

– Я всегда за новизну взглядов. Прощайте. – Анатолий Ефимович ушёл. Каригубов задумался о своём значении в мире, но ничего не надумал полезного. Кира внесла разнос с чаем – это оказалось как нельзя кстати.

VI

До шестой серии экранизированной «Третьей» дожили не многие. Уже никто не сомневался в том, что после книги-убийцы, фильм принесёт ещё больше плачевных результатов. Почему-то Каригубов оставался жив. Почему-то улицы стали чище. Почему-то торговля стала приносить меньше дохода. Почему-то политики покидали посты, заводчики в бешеном ритме модернизировали оборудования, преступления переставали иметь место в обществе. Безработица пропала, благодаря повышению оценки рабочего труда. Большая часть людей перестали бояться себе подобных, дань уважению себя и обществу в целом росла. Злые жёны показывали фильм пьяным мужьям, злые мужья под разными предлогами пьяным жёнам и пьяные мужья и жёны чаще, после просмотра первой или второй части, гибли. Чем мотивировали себя бедные женщины и несчастные мужчины не понятно. Детям перестали давать возможность оставаться наедине или в компании сверстников со сложными гаджетами, компьютерами, телевизорами во избежание просмотров в сети, и дети больше гуляли на улицах, набираясь здоровья, или читали книги. Среди подростков распространилось мнение, что интересны только прочитавшие «Третью» или посмотревшие фильм. Оказалось, что общее стремление или внутренние миры этих детей гармонизировали между собой, дети

объединились в культурные очаги общения, продолжая читать другие книги, обсуждать новые политики и технологии, поддерживать начинания друг друга. Очень популярна стала благотворительность, она перестала быть ограниченной и нецеленаправленной.

Анатолий Ефимович, видя все эти изменения, думал о чем-то. Поджав губы, он сидел в удобном кресле и вертел в руках печатный экземпляр «Третеи». Он прошёл уже пять этапов книги. Этот тест на зрелость сильно подействовал на известного политика. Что-то изменилось внутри, и продолжало меняться. Было страшно и интересно. Как мог сумасшедший написать такой простой и доступный философский труд, который, как плесень покрыл общество и стал подобием пенициллина? Книга манила. Оставался последний этап в нескольких строках. Испытание на страх. Анатолий Ефимович медлил. Потом, кивнув сам себе, открыл книгу и начал читать.

* * * * *

«Этап шестой, последний.

Прошу Вас привести свои мысли в порядок. Привели? Как Вы это выразите? Попробуйте раскрыть себя в ответе на этот вопрос.

Что Вы чувствуете? Я знаю – страх. Это правда. Перед прочтением заключения этой книги, Вы уже разобрались в себе и пытаетесь понять, что может дать Вам ещё этот труд? Более ничего. Вы уже смогли преодолеть в себе страхи и по-

лучить самое нужное – Вас самих. Остальное, будь то наука или творческая деятельность, желание трудиться на благо государства и общества, как и окультурировать моральный дух соотечественников – все эти Вами принятые нормы – прекрасное дополнение Вас самих. Вы подошли к самой центральной точке себя самого. И только одно осталось нам узнать. Ответ на эти вопросы я Вам не дам, это не к чему. Но ответы нужны Вам.

Заранее говорю: до свидания. Будьте людьми. Ты, лично, – стань Человеком!

И сам вопрос:

Гордитесь ли Вы собой? Почему Вы гордитесь собой? Нужна ли человеку гордость и для чего?»

* * * * *

Иван Осипович приобрел райский остров. Это было единственное место, где можно было спрятаться от мира. Карибугов прятался не от славы, его утомил этот ажиотаж вокруг его произведения. Внутри, взамен лихорадочного возбуждения создания чего-то, заступила на пост апатия и отвращение к любой реакции. Мир, не смотря ни на что, менялся. По-другому не могло быть. Искривление сознания общества выпрямлялось. Большая часть оставшихся в живых была настроена на создание нового, и общее желание двигаться вперёд наполнило все направления человеческого стремления. Свалка сознания ликвидировалась. Так художник дела-

ет множество теоретических штрихов, потом убирает ненужное и остаётся только задуманное. Вакцина природы в виде Ивана Осиповича решила множество проблем не решаемых. Но странности в мире всё-таки остались. Создано было движение "Антитретья" теми, кто не удосужился прочитать коварную книгу, а возглавил её некогда упомянутый Анатолий Евгеньевич, который прочитал книгу, посмотрел фильм и создал это заведомо предсказуемое антидвижение свободного развития человека – гармония тоже имеет связь со всем происходящим. Анатолий говорил, что человек вправе быть монстром, если он того желает. Человек может быть нелогичным созданием и создавать препятствия, как камень в бурном потоке реки бегущей с гор. И вселенная его пощадила, она наполнила мир развития бунтарской ноткой противостояния. Это было отвратительно, но, тем не менее, прекрасно с точки зрения логики.

Иван сидел под травяной хижинкой оборудованной всеми удобствами внутри и смотрел в закат. Кира стояла неподалёку и проклинала его – час назад погиб её брат, совсем ещё юный человек. И виноватым, естественно, считался Иван Осипович.

– Это ты и твоя книга, – шептала Кира, ненавидя даже этот шепот, обращённый к убийце. – Ты знал, что потери неизбежны!

– Родная, во мне есть какая-то сила, я уже это знаю, но управлять ей не в состоянии! В организме есть множество химических реакций и органов, которые человек не ощущает, но они продолжают работу, независимо от моего желания или нежелания. Я слышал всех прочитавших и отозвавшихся на мои вопросы. Те, кто ломал теорию существования бессмысленностью, стирались, стоило только мне понять это, прочитав их внутренний мир и настрой на действия. Это помимо меня. Я стал центром распределяющим все ценности жизни и удаляющим ненужные.

– Я думала, что нашла счастье с тобой, – Кира не слушала, эмоции были сильнее разумных доводов. – Верни его. Или отправь меня вслед за всеми ненужными.

– Я не могу. Ты же знаешь. Ты нужна, – Иван волновался и шептал. – Мне нужна.

– Я не останусь с тобой, пока ты не исправишь ошибку!

– Ошибки не было. Он не нашёл себя и исчез!

– Значит, направь его, но верни! – супруга требовала.

– Если у меня даже и получится, хотя даже не представляю как, я восстановлю его, но нарушу баланс и исчезну сам.

– Мне всё равно! Ты поступил, как монстр! А мне не нужен муж-монстр! – женские слезы делали своё дело, создавая нужную атмосферу. – Теперь это будет во мне всегда. Ненависть к тебе. Представляю, сколько людей тебя ненавидит. Чудовище!

Иван Осипович с нежностью посмотрел на супругу, нахмурился, встал, вышел из тени, повернувшись к солнцу лицом. Через мгновение он уже лежал на земле. Кира, вскрикнув, испуганно подбежала к мужу, но Ивана Осиповича внутри тела уже не было. Всё произошло быстро и чётко, без потери времени на ненужные прощания. Женщина, опустившись на колени перед своим избранником, обняла его лежащего и прижалась лбом к ещё тёплому плечу.

Прошло несколько минут. Тишину нарушил звонок телефона лежащего на пальмовом столике. Звонили долго, упрямо. Кира замедленными движениями встала, доплыла до трубки, тихо ответила:

– Слушаю.

– Кирча, прикинь, я в морге очнулся. Гольй! Такой треш! Закачаешься!

Женщина уронила телефон и разрыдалась.

Конец третьей части

Эпилог

«Привет,
И с плеч ангел небесный
До дьявольской смеси
Красивых эмоций и жёстких сомнений
Во мне обрывает все звенья судьбы.
Один
Взгляд поднимет над бездной,
Другой бросит в пропасть -
Устойчиво жить невозможно
С цветами любви в груди»
Влад Тень

Ивана Осиповича похоронили тёплым осенним утром. Провожающих было немного. Смерть создателя «Третеи» не афишировалась – какие бы произошли события, если бы это обнародовалось, никто не мог предположить, поэтому решили не рисковать. Место захоронения так же решили держать в тайне насколько возможно. Было решено, что когда немного утихнут страсти, потрясшие весь мир, тогда и официально обнародуют это событие. Самой печальной фигурой на похоронах была супруга Ивана Осиповича, смотрящая вдаль, знающая что-то своё, личное. Она время от времени прово-

дила ладонью, как будто поглаживая, по тёмной ткани платья на своём животе. Губы её шевелились, шепча никем не слышанные слова.

* * * * *

Прошло пять лет.

Кира проснулась ранним утром от детского смеха и с улыбкой поймала запрыгнувшую к ней на кровать хохочущую девочку. Послышался голос няни:

– Анастасия! Вернитесь в комнату, юная леди!

– Инна Сергеевна, не волнуйтесь, она у меня. Я уже проснулась. – Кира усадила дочь рядом и подмигнула ей. – Опять шалишь, шкода?

– Ма! Это просто кошка от меня убежала, а я побежала за ней, и мы прибежали к тебе!

– Какая кошка, глупышка? У нас нет же кошки, – Кира с любовью рассматривала своё творение.

– Ну да, у нас нет, – девочка прищурилась и вздохнула. – А у Сологуба есть.

Кира задумалась.